

eISSN 2311-2468
Том 2, № 13. 2014
Vol. 2, no. 13. 2014

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ПОЛЕТАЕВА Е. Д.
РАЗНОВРЕМЕННАЯ СИНОНИМИЯ В ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Данная статья посвящена изучению изменения лексического состава английского языка и традиций в переводе Библии. Сравнив переводы Библии, сделанные в разные временные периоды, автор выявил причины явления разновременной синонимии и пришел к выводу о том, что в настоящее время наблюдается тенденция осуществлять смысловой перевод сакральных текстов.

Ключевые слова: Библия, синоним, лексема, генерализация, конкретизация, значение, перевод.

POLETAEVA E. D.

DIACHRONIC SYNONYMY IN ENGLISH TRANSLATIONS OF THE BIBLE

Abstract. The paper considers the development of the English vocabulary and approaches to the Bible translations. Comparing the Bible translations of different epochs, the author has found the causes of the diachronic synonymy. Consequently, the descriptive technique dominates the religious text translation of the present time.

Keywords: Bible, synonym, lexeme, generalization, specialization, meaning, translation.

Как известно, лексический состав любого языка изменчив. Данный факт объясняется тем, что его словарный состав непосредственно связан с деятельностью человека. Так, для того чтобы язык мог полноценно выполнять свою основную функцию средства общения, его словарный состав должен отражать и фиксировать изменения, происходящие во всех сферах жизни и деятельности людей, таких как производство, наука, общественно-экономические отношения, быт и т.д.

Вследствие этих изменений появилась необходимость и в новых переводах Библии, чтобы сделать данный сакральный текст понятным большинству современных людей. Однако нужно было это делать осторожно, так как, по традиции, переводы сакральных текстов должны сохранять стиль, свойственный Священному Писанию. Данный факт делает интересным сравнение переводов Библии разных эпох, что позволяет проследить не только изменения лексического состава языка, но и изменение традиций в переводе священных текстов.

Сравним переводы нескольких глав книги «Бытие» (Genesis) на английский язык, выполненные в 1611 (King James Version), 1890 (Darby Bible Translation), 1901 (American

Standard Version), 1995 (New American Standard Bible) и 2012 (International Standard Version) годах.

Уже в главе 1 стихе 1, сравнивая переводы, мы видим, что словосочетание *the heavens and the earth*, использованные в четырех переводах, было заменено на *the universe* в варианте 2012 года, что говорит о тенденции современных переводов Библии к обобщению и генерализации, использованию нейтральной лексики, которую мы будем наблюдать и при дальнейшем сравнении, как например в 1:11, где в переводах 1995 и 2012 гг. вместо более конкретного *grass* используется слово с более общим значение *vegetation*. В данном стихе мы наблюдаем как чередование *herb yielding seed / herb producing seed / herbs yielding seed / plants yielding seed / seed-bearing plants*, где *herb* с течением времени заменяется словом *plants* с более широким значением, а *yielding seed* на нейтральное, зафиксированное в словаре *seed-bearing*. То же встречается в 2:2 и 2:7, где *had made* и *living soul* заменяются на *had done*, *living being*, соответственно, в 1995 г. (эти же варианты использованы в переводе 2012 г.), и в 3:7 – *aprons / loin coverings / loincloths*, в 4:2 – *to be a keeper of sheep / to be a shepherd / to be a keeper of sheep / to be a keeper of flocks / to shepherd flocks* и *a tiller of the ground / a husbandman / a tiller of the ground / a tiller of the ground / a farmer (a man of the soil – 9:20)*, в 6:2 – *sons of God / some divine beings*; в 6:5 – *wickedness / evil*, в 6:14 – *to pitch* и *to cover*, в 9:1 – *fruitful / productive*; в 9:25 – *brethren/ brothers / relatives*, в 6:11 – *to corrupt / to ruin*.

Также были отмечены случаи, когда последующие синонимы, наоборот, являются более конкретизированными: *his days / their lifespan* (6:3), *imagination/ intent/ inclination* (6:5), *mouth / beak* (8:11).

В современном переводе вместо лексемы *good*, используемой в выражениях типа *And God saw ... , that it was good* (1:4, 1:10, 1:12, 1:18, 1:21, 1:25, 1:31), переводчик выбрал слово *beautiful*, что соответствует большинству толкований данных стихов Библии. Однако, столь долгое сохранение в переводах именно слова *good* представляется не случайным, поскольку его значение гораздо шире, чем у слова *beautiful*.

В 1995 году *to divide* заменили в переводах словом *to separate*, что объясняется тем фактом, что *to separate* вошло в английский язык позднее (в конце среднеанглийского периода) и, соответственно, позднее его значение стали считать более приемлемым в контексте Библии, что подтверждает его сохранение в переводе 2012 года.

В 1:30, анализируя синонимические ряды *fowl of the air / fowl of the heavens / bird of the heavens / bird of the sky / bird that flies, creepeth / moves* (1995) / *crawls* (2012) и *meat* (1611) / *food* (встречающееся во всех остальных вариантах), мы можем проследить в какой временной промежуток значения слов *fowl*, *creep* и *meat* сузилось – к концу XIX, началу XX (в варианте 1995 г. заменено на нейтральное *move*) и началу XVIII в. соответственно.

Чередования синонимов в стихе четвертом главы 2 иллюстрируют изменения в значениях выбранных слов: так, используемое в значении «запись, рассказ» слово *generation*, в переводе 1890 г. было заменено на нейтральное *history*, однако было возвращено в варианте 1901 г., затем его значение сузилось и в 1995 г. мы встречаем вариант *account*, чье значение также сузилось к настоящему времени, поэтому в переводе 2012 г. слово *record* в данном контексте использовано уместно.

В 2:24 до начала XX века использовался глагол *to cleave to*, однако уже к концу века он вошел в класс устаревшей лексики, поэтому в двух последних из сравниваемых переводов мы находим варианты *to be joined to* и *to cling to*. Еще примеры таких синонимических замен представлены в 4:8 и 4:15 – глагол *to slay* в конце XX века изменен на *to kill*, в 4:18 – вместо *to beget* использованы *to become the father* (1995) и *to father* (2012), в 4:25 – слово *seed* заменено на *offspring*, в 3:13 – вместо *to beguile* употребляют *to deceive* или *to mislead*.

В стихе 7 главы 1 для обозначения небосвода книжное *firmament* встречается в вариантах 1611 и 1901 гг., нейтральное *expanse* – в вариантах 1890 и 1995 гг. и книжное *canopy* – в варианте 2012 г. Здесь мы наблюдаем пример того, как переводчики, используя лексику повышенной экспрессии, делают текст перевода стилистически возвышенным, что присуще сакральным текстам. Однако, в этом же стихе, в современном переводе нейтральное выражение *that is what happened* заменяет использовавшееся во всех предыдущих переводах *and it was so* более возвышенного стиля.

В 1:8 используемое во всех предыдущих переводах слово *heaven* заменено на *sky*, а *evening* и *morning* – на *twilight* и *dawn* соответственно, что снова доказывает, что в современных переводах Библии существует тенденция непосредственно передавать смысл Писания. Это же подтверждает замена *Earth* и *Seas* на *land* и *oceans* в стихе 10.

В 1:16 глагол *make* изменен в переводе 2012 г. на глагол *fashion*, с более конкретным значением, а выражения *greater...lesser*, обозначающие Солнце и Луну, на *larger...smaller*, которые дают читателям возможность понять, что речь идет о размерах небесных тел; в варианте 1995 г. используемый в предыдущих вариантах глагол *to rule* заменяется его идеографическим синонимом *to govern*, а в варианте 2012 г. – контекстуальным синонимом *to shine*. Данные примеры также ярко иллюстрируют тот факт, что современные переводы Библии тяготеют к устраниению двусмысленности при прочтении.

В 1:20 и следующих стихах мы наблюдаем чередования *the moving creature that hath life / living souls / living creatures / living creatures / living creatures, great whales / great sea monsters / great sea monsters / great sea monsters / every kind of magnificent marine creature, winged fowl / winged fowl / winged bird / winged bird / flying creature, every beast / every animal / every beast / every beast / every wild animal and fowl that may fly / fowl fly / birds fly / birds fly /*

flying creatures soar, иллюстрирующие тенденцию к упрощению структуры словосочетаний в английском языке (в первом случае) и к выбору синонимов с более широким значением (в остальных случаях).

Слова *to rest* (2:2) и *nostrils* (2:7) заменены в варианте 2012 г. на *to stop working* и *lungs*, которые точнее передают смысл данных стихов.

В 2:4 мы видим, как изменялся выбор выражений, указывающих на Бога: *LORD God / Jehovah Elohim / Jehovah God / LORD God / LORD God*, причем существует тенденция не использовать имя Бога в переводах, поскольку существует множество его разнотений.

В 2:10 выражение *to go out* к концу XX века заменяется на *flow out of/from* (1995, 2012) с более узким значением.

Примеры предпочтения синонима с более конкретным значением также представлены в 2:15 – вместо глагола *to put* в варианте 2012 г. использован глагол *to place*, в 2:21 – *to take* заменен на *to remove*, в 3:6 – выражение *tree was good for food* изменено на *tree produced good food*, в 3:7 – *to know* превратился в *to become aware*, в 3:16 – *multiply* и *rule* заменены на *increase* и *dominate*, соответственно, в 3:24 – вместо *to drive out* использован *to expel*, в 4:16 – *to go out from* изменено на *to leave*, в 9:27 – глагол *to enlarge* заменен на выражение *to make room*.

Анализируя синонимический ряд, принадлежащий стиху 15 главы 2, *to dress / to till / to dress / to cultivate / to have him work*, можно отметить тенденцию к передаче смысла высказывания. В данном стихе наглядно представлено, какому глаголу, *to keep* или *to guard*, отдавалось предпочтение в разные периоды. Также примерами подобной синонимии являются *to destroy / to blot out / to annihilate*, представленные в 6:7, *to dwell in u to settle in* – в 4:16, *to set a mark on Cain / to appoint a sign for Cain / to place a sign on Cain* – в 4:15, *to bear* и *to give birth to* – в 4:22, *to call his name* и *to name* – в 4:25; *to repent / to be sorry / to regret / to grieve* – в 6:6 и 6:7, *rooms / cells / compartments* – в 6:14, *seedtime* и *sowing* – в 8:22, *to replenish* и *to fill* – в 9:1, *servant / bondman / slave* – 9:25; *to leave off* и *to stop* – в 11:8, *to confound* и *to confuse* – в 11:9, *to comfort / to give rest / to comfort* – в 5:29, *waters were abated from / waters had become low / waters had decreased* – в 8:11, *sweet savor / sweet odour / sweet savor / soothing aroma / pleasing aroma* – в 8:21, *remember* и *keep in mind*, *to assuage* и *to subside* – в 8:1; *one speech / same words / one speech / same words / identical vocabulary* – в 11:1.

В стихе 21 главы 2 использование глагола *to overshadow* в версии 2012 г. обусловлено стремлением сделать стиль перевода более возвышенным, как и в 4:26, где словосочетанию *to call on* переводчик предпочел *to profane the name*.

В стихе 6 главы 3 выражение *a pleasure for the eyes* в начале XX века было заменено на более ярко стилистически окрашенное *a delight to the eyes*, которое в переводе 2012 г. описательно представлено, как *attractive in appearance*. Также в этом стихе мы видим, что использованное в версии 1611 г. выражение *to make one wise*, в переводе 1890 г. заменено на *to give intelligence*, однако затем переводчики вернулись к первому варианту, так как *one* в данном контексте является отсылкой к человеку, а в переводе XIX в. она потеряна.

В современных версиях перевода Библии часто встречаются примеры смыслового перевода, так, в 3:7 – *And the eyes of them both were opened* переведено как *As a result, they both understood what they had done*, в 3:16 – вместо *desire* использовано слово *trust*, в 4:1 – выражение *And Adam (Man) knew Eve his wife* заменено на *Now the man had relations (sexual relations – 2012 г.) with his wife Eve*, а также глаголы *to conceive* и *to become pregnant*, в 4:4 – *firstlings of the fat thereof* звучит как *the best parts of some of the firstborn*, в 4:8 – выражение *to rise up against* передано глаголом *to attack*, в 5:29 – *toil of our hands* превратилось в *manual labor*, в 6:2 – смысл высказывания *the daughters of men that they were fair* переводчик выразил через словосочетание *attractive human women*, в 8:1 – *God made a wind to pass over* переведено как *God's Spirit moved*, в 3:16 – *thy sorrow and thy conception / thy travail and thy pregnancy / thy pain and thy conception / your pain in childbirth / In pain you will bring forth children / the pain of your labor during childbirth*, в 6:4 – *mighty men who of old were men of renown / heroes who of old were men of renown / mighty men who of old were men of renown / heroes and legendary figures of ancient times*, в 3:24 – *placed Cherubims, and a flaming sword / set the Cherubim, and the flame of the flashing sword / placed Cherubims, and a flaming sword / stationed the cherubim and the flaming sword/ placed winged angels with a fiery*.

Следует отметить, что изучая переводы Библии можно проследить, когда местоимение *thou* перестало использоваться и в сакральных текстах – в середине XX века.

Кроме того, некоторые изменения в лексическом составе разновременных переводов Библии обуславливаются тем, что археологи находят фрагменты неизвестных ранее рукописей, ученые изучают древние тексты, и полученная информация требует изменения некоторых лексических единиц, как например, *the Serpent* в переводе 2012 г. назван *the Shining One* (3:13), *an instructer of every artificer in brasse / the forger of every kind of tool of brass / the forger of every cutting instrument of brass/ the forger of all implements of bronze / a forger of bronze work* (4:22) – в данном примере также представлены варианты для обозначения профессии, поскольку первый термин сузил свое значение; *Giants / Nephilim* (6:4); *gopher wood / cedar* (6:14), *slime/ asphalt/ slime/ tar* (11:3).

В стихе 8 главы 6 в выражении, использованном в переводе 1611 г., *to find grace in the eyes of*, слово *grace* было изменено на *favour*, что больше соответствовало общепринятым

толкованию данного стиха; в версии 2012 переводчик обошелся описательным *to be pleased with*.

В синонимическом ряду *have imagined to do / meditate doing / purpose to do / purpose to do / have a mind to do* (11:6) мы наблюдаем, как изменялись на протяжении длительного периода времени способы выражения намерения.

Проанализировав переводы нескольких глав книги Бытие (Genesis) на английский язык, выполненные в разные периоды, мы приходим к следующим выводам:

- 1) разновременная синонимия ярко представлена в переводах сакральных текстов, отражает изменение словарного состава языка, а также наглядно демонстрирует, какие лексические единицы были предпочтительнее для использования в тот или иной период времени;
- 2) в настоящее время существует тенденция осуществлять смысловой перевод сакральных текстов;
- 3) различия в разновременных переводах обусловлены рядом причин:
 - изменяются норма сочетаемости слов в языке;
 - необходимо заменять устаревшую лексику на более понятную для современного читателя;
 - в то же время необходимо сохранять возвышенный стиль повествования, поскольку переводу подвергается текст Священного Писания;
 - происходит сужение значения слова, использованного в раннем переводе;
 - происходит расширение значения слова, использованного в раннем переводе, что может привести к двусмысленности в толковании текста;
 - обнаружение новых данных, касательно содержания сакральных текстов, может требовать уточнения словарного состава текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kingjamesbibleonline.org/1611_Genesis-Chapter-1/
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biblehub.com/isv/genesis/1.htm>
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biblehub.com/dbt/genesis/1.htm>
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biblehub.com/nasb/genesis/1.htm>
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biblehub.com/asv/genesis/1.htm>

7. Oxford English Dictionary. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://oxforddictionaries.com/definition/english/separate?q=separate>
8. Harper D. Online Etymology Dictionary. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.etymonline.com>

АБРАШКИН М. В.

**КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПРАВОВОГО ДОКУМЕНТА)**

Аннотация. В статье рассматривается проблема когнитивного моделирования правового текста на основе теории когнитивных стратегий, которые позволяют понять глубинные процессы создания и понимания текста. Стратегии представляют собой совокупность определенных ментальных операций, заданных типом текста, когнитивной базой автора и адресата.

Ключевые слова: когнитивная стратегия, когнитивная операция, когнитивная модель текста, порождение и восприятие текста, фрейм, концепт, слот, дейктический уровень.

ABRASHKIN M. V.

**COGNITIVE STRATEGIES AND COGNITIVE TEXT MODELLING
(BASED ON ENGLISH LEGAL DOCUMENT)**

Abstract. The article deals with the cognitive modelling of a legal document based on the van Dijk cognitive strategy approach, which looks into the deep structures of text production and interpretation. The cognitive strategies represent mental acts determined by the text type and cognitive base of the author and reader.

Key words: cognitive strategy, cognitive act, cognitive model of a text, text production and interpretation, frame, slot, concept, deictic level.

Когнитивная лингвистика достигла высоких результатов в рассмотрении вопросов, связанных с языковой реализацией концептуальных структур различной степени сложности. Наиболее проработанными на данный момент являются ментальные структуры, выраженные, морфемами, лексемами, предложениями. Что касается когнитивного анализа таких сложных единиц как текст и дискурс, то эта задача еще находится на стадии интенсивной разработки, поскольку требует интегрированного и, в то же время, конкретизированного подхода. Как известно, совокупность предложенческих когнитивных структур, составляющих текст, не равна когнитивной структуре текста в целом. В порождении и восприятии текста действуют иные правила – правила стратегического или выводного знания, позволяющие нам построить текст или понять о чем он. Следовательно, основу порождения и восприятия текста составляет его когнитивная модель. Попытка вычленить и проанализировать такую модель на материале конкретного текста, причем с точки зрения восприятия и интерпретации текста адресатом, является целью настоящего исследования.

Когнитивное моделирование текста основано на понимании его адресатом, который, исходя из своих лингвистических и экстравербальных знаний, пытается воссоздать модель представления информации, выраженной автором. Такая модель является ментальным конструктом, способствующим пониманию любого конкретного текста независимо от его жанра. Построение такой модели, ввиду сложности текста как объекта исследования, – непростая задача. Наиболее перспективным и всеобъемлющим представляется метод когнитивных стратегий, предложенный Т. ван Дейком [1, 2]. Он и его последователи полагают, что когнитивная стратегия – это когнитивная способность человека, связанная с обработкой и представлением информации. Когнитивная модель текста зависит от его типа и конкретного жанра. «Стратегии – это часть нашего общего знания: они представляют собой знание о процессах понимания. Стратегии образуют открытый список. Они нуждаются в изучении и заучивании, пока они не станут автоматизированными процессами. Новые типы дискурса и формы коммуникации могут потребовать разработки новых стратегий» [1, с. 162].

Существует много определений понятия «когнитивная стратегия». Так, Д. Н. Павлов в своей статье делает попытку выявить ее смысловые компоненты на базе существующих дефиниций. Он выделяет десять ее составляющих: целеположенность, отнесенность к ментальным процессам, врожденность, зависимость от субъекта, преднамеренность использования, гибкость, зависимость от условий и контекста, временная ориентация, эффективность, осознанность/неосознанность [3, с. 63]. Кроме того, он предложил классификацию стратегий, исходя из критериев их применения, таких как получение информации, обработка информации, фиксация информации и т.д. [3, с. 64].

По нашему мнению, теория когнитивных стратегий наиболее адекватно представляет процесс понимания текста на данный момент. Использование данного подхода определяет актуальность и новизну нашего исследования, объектом которого является правовой документ, а именно англоязычная версия Доклада Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации [4]. В Докладе изложены условия принятия РФ в ВТО и особенности режима ведения международной торговли в РФ. В настоящей статье анализируются пункты с 142 по 253, касающиеся основ исполнительной, правовой и законодательной системы РФ, под заголовком «Powers of Executive, Legislative and Judicial Branches of Government». Выбранный фрагмент представляет собой автономную часть исследуемого документа, объединенного одной макротемой.

Как мы уже отметили, ключевым понятием когнитивного подхода к анализу текста является «стратегия». Мы понимаем под стратегией сложный когнитивный процесс представления и понимания знаний, изложенных в тексте автором и реконструируемых

адресатом - совокупность определенным образом организованных осознанных/неосознанных когнитивных операций, направленных на достижение цели. Как отмечает Д. Н. Попов, «стратегия выступает в качестве базового знания, на основе которого формируется система стратегических процедур, необходимых индивидууму для обработки дискурса» [3, с. 62]. Адресат может расширить когнитивную модель, наращивая ее своими знаниями, т. к. понимание всегда зависит от картины мира человека, его личных ассоциаций. В случае непонимания текста адресат может, однако, и редуцировать авторскую информацию. Поскольку мы исследуем правовой документ, имеющий статус закона, это исключает возможность неоднозначного толкования текста в целях его правоприменения. Профессиональный текст предназначен для специалистов, обладающих юридическими знаниями в области внешнеэкономической деятельности.

По ван Дейку, когнитивные стратегии имеют несколько уровней представления текстовой информации: пропозиционный, продукционный, пресуппозитивный, схематический, прагматический, стилистический и др. [1]. В данном исследовании мы анализируем текст с точки зрения когнитивно-семантического представления знаний, что ван Дейк называет текстовой базой [1], и текстовых прагматических стратегий.

Текстовая база складывается из набора фреймов, объединенных глобальной и локальной связностью, необходимых для построения текста на основе прагматических стратегий. Таким образом, информация структурируется в виде блоков знаний (фреймов), объединенных одной макротемой и вербализуемых лексемами заданной тематики. В исследуемом тексте знания выстраиваются по уровневой шкале «общее – частное». Первый уровень – это уровень обобщенного знания, включающего общезвестные концепты, понятные любому адресату. Последующие уровни – уровни детализации, или частных концептов, ориентированы на профессионального адресата. Текст правового документа, как правило, представлен нумерованными статьями/параграфами, отражающими уровневый способ подачи информации и облегчающими их поиск по ссылке.

Раскрыв содержание основных понятий, необходимых для нашего исследования, переходим к изложению результатов анализа правового текста и представления его когнитивной модели. Итак, мы выделили в тексте четыре когнитивных уровня подачи информации: обобщенный, два уровня детальной концептуализации и дейктический уровень.

Глобальной стратегией исследуемого текста является сообщение в форме констативных положений о полномочиях трех ветвей власти в РФ. Заголовок текста выражает эту стратегию в виде глобальной темы *Powers of Government*, которая включает три макротемы: *Powers of Executive, Legislative and Judicial Branches of Government*.

Следовательно, когнитивная модель текста включает четыре основных фрейма: *State Power in RF*, *Executive Power in RF*, *Legislative Power in RF*, *Judicial Power in RF*. Подача информации в тексте по указанным фреймам не носит линейный характер. Например, фрейм *Executive Power* излагается в пунктах 143, 146 и 153. Несомненен тот факт, что дистанционная реализация компонентов фрейма не является значимой для когнитивной модели представления знаний. Она опирается на психические (ассоциативные) законы организации памяти и имеет сложную уровневую структуру.

Глобальная стратегия правового текста охватывает три стратегии: структурации ветвей власти, их статусности и функций. Под структурацией мы понимаем стратегию выделения компонентного состава фрейма и систему отношений между компонентами. Стратегия структурации развертывается по шкале «обобщение – детализация», и последняя связана со стратегиями статуса компонентов каждого фрейма (ветви власти), их функций, состава и нормативных источников, регламентирующих деятельность. Обобщенный уровень представления знаний включает четыре узла, соответствующие основным ветвям власти в РФ: *President*, *Federal Assembly*, *Government*, *Courts*. Статусная стратегия раскрывает положение каждого компонента фрейма, тогда как функциональные стратегии раскрывают полномочия каждой ветви власти. Этот уровень является собой наиболее общее представление общества о властных структурах. Однако детализация их статуса и функций может вызывать определенные затруднения интерпретации у представителей различных социальных и профессиональных групп общества. Например, слот *Federal Ministries (including the Ministry of Economic Development (the MED) of RF and the Ministry of Industry and Trade (the MIT) of RF responsible for State regulation of foreign trade)* имеет статус *Executive Body* и выполняет следующие функции: *determine State policy, prepare legislation in relative spheres, coordinate and control the activity of Federal Services and Agencies*.

Следующие уровни представления знаний раскрывают стратегию уточнения содержания фреймов. Слоты имеют иерархическую структуру, основанную на отношениях подчинения (вышестоящему слоту). Например, фрейм «исполнительная власть» имеет иерархическую структуру, в которой две ветви исполнительной власти – *Federal Services* и *Federal Agencies* – подчинены *Federal Ministries*, а последние подчинены *Government of RF*.

Третий уровень стратегий связан с концептуализацией выделенных слотов: раскрытием состава структурных подразделений органов власти и указанием на основные правовые источники их деятельности. Например:

- (1) слот *Council of the Federation* имеет состав: *two representatives from each subject of RF: one from the legislative and one from executive body of State power*;

- (2) слот *Domestic Legal system of RF* включает источники законодательной деятельности – *Federal legal acts*;
- (3) слот *Federal Courts of General Jurisdiction* указывает на источники судебной деятельности – *rules are set out in the Civil Procedure Code of RF No. 138-FZ of 14 November 2002.*

Дейктический уровень когнитивной модели представлен ссылочной информацией на Конституцию РФ, законы, декреты, акты и т. д., что также является одной из особенностей построения юридических документов. Ссылки носят как интертекстовый характер, т.е. отнесение к другим, внешним текстам, так и интекстовый – отнесение к положениям внутри данного текста. Основная стратегия ссылок – уточняющая. Отсылка к полному тексту соответствующих правовых актов помогает избежать ошибок в трактовке изучаемого закона, и, следовательно, юридических последствий неправомерного ведения внешнеэкономической деятельности. Например:

- (1) ... was stipulated in *the Constitution of the Russian Federation (Articles 126 - 127)*;
- (2) As discussed in detail in *paragraph 15 ,... ;*
- (3) *According to Article 30 of Federal Law No. 101-FZ of 15 July 1995 "On International Treaties of the Russian Federation"* (as last amended on 1 December 2007), such treaties were subject to publication: interstate or inter-governmental treaties were published in "*Sobraniye Zakonodatelstva Rossiijskoj Federatsii*" and treaties of inter-ministerial nature were published in the official editions of the respective government bodies.

Поводя итог, можно резюмировать, что метод когнитивных стратегий в моделировании текста является эффективным, поскольку стратегии являются базовыми ментальными операциями, направляющими порождение и понимание текста. В проанализированном тексте были выявлены те когнитивные стратегии, которые организуют построение данного теста и облегчают его понимание. Стратегии носят осознанный характер и представляют собой совокупность определенных когнитивных операций, заданных типом текста и когнитивной базой автора и адресата. Стратегии в тексте структурируются не жестко, их реализация не всегда совпадает с поверхностной организацией текста, хотя и определяет ее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк ван Т., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1996. – С. 153–211.
2. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

3. Попов Д. Н. О некоторых проблемах определения термина «когнитивная стратегия» // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 62–64.
4. Report of the Working Party on the Accession of the Russian Federation to the World Trade Organization. – [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. и прогр. – Версия 4012.00.03 КонсультантПлюс. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Microsoft Windows 2000 Professional.

ЗАБАЙКИНА А. И.
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье рассматриваются лексические, морфологические и синтаксические особенности англоязычного научного текста. Автор анализирует лингвостилистические особенности научного дискурса на примере англоязычных медицинских статей.

Ключевые слова: научный стиль, абстрактность, объективность, термин, атрибутивные конструкции, аббревиатуры, средства когезии.

ZABAIKINA A. I.
LINGUOSTYLISTIC FEATURES OF ENGLISH SCIENTIFIC TEXT

Abstract. The article considers lexical, morphological and syntactic features of the English scientific text. The author analyses the English data taken from a number of authentic medical articles of the 2000s.

Keywords: scientific style, abstractiveness, objectivity, term, attribute constructions, abbreviations, means of cohesion.

Наука – одна из главных сфер, в которой реализуется доминирующее положение английского языка в мире. Как известно, английский язык в течение долгого времени является международным языком науки. Он используется при проведении международных конференций и семинаров, на нем публикуются научные исследования авторов из разных стран. Все это свидетельствует о том, что для полноценной научной коммуникации необходимо изучение особенностей научного стиля английского языка.

Общими характеристиками научного стиля являются его информативная насыщенность, логичность построения, скрытая эмоциональность, обобщенно-отвлечененный характер изложения, смысловая точность и объективность, а также вытекающие из этих особенностей ясность и понятность. Вышеперечисленные особенности определяют выбор языковых средств.

Научный стиль как в английском, так и в русском языке обладает специфическим лексическим составом, отличающим его от других функциональных стилей. Научную прозу отличает использование большого количества слов с абстрактной семантикой. В англоязычных медицинских текстах это такие слова как: range, conditions, problems, issue, importance, diagnoses, trend, response, rates, percentage points, acceptance, consumption, effects, research, factors, recommendations, behavior, health, direction, tendency, innovation,

acknowledgement. Абстрактизация лексики вытекает из целей и задач научной коммуникации, а именно описания и обобщения фактов действительности, что вызывает необходимость поиска слов, выраждающих наиболее общие признаки исследуемых предметов и явлений. Данная тенденция, как отмечает И. Р. Гальперин, в некоторых текстах научного стиля приводит к замене слов соответствующими абстрактными формулами, условными обозначениями, особыми знаками, которые в отличие от слов не проявляют тенденцию к обрастванию дополнительными значениями [3, с. 428].

Стиль научной прозы в английском языке характеризуется чрезмерным использованием книжных слов, редко встречающихся даже в современной художественной литературе. Книжные слова – это «длинные, многосложные заимствованные слова, иногда не полностью ассимилированные, часто имеющие в нейтральном стиле более простые и короткие синонимы» [2, с. 179]. Неполная грамматическая ассимиляция выражается, например, в сохранении формы множественного числа, принятой в языке, из которого заимствовано данное слово. В следующих примерах приведены латинские научные заимствования в английском языке: automaton – automata, phenomenon – phenomena. Книжные слова занимают значительную часть лексического состава англоязычных медицинских статей и являются интернациональными для большинства языков: vaccine, papillomavirus, vitamin, molecular, symptoms, status, hormones, individuals, metabolism, meta-analysis.

Другой характерной чертой научного стиля является образование неологизмов. Под неологизмами понимают «любые новые словарные и фразеологические единицы, появившиеся в языке на данном этапе его развития и обозначающие новые понятия, возникшие в результате развития науки и техники, новых условий жизни, социально-политических изменений» [3, с. 77]. Новые понятия, которые появляются в результате исследований, приводят к образованию новых слов для их обозначения, поэтому именно научная проза наиболее благоприятствует созданию неологизмов. Так, в текстах медицинских статей к ним можно отнести следующую лексику, не зафиксированную в англоязычных словарях: dose-dependently – в зависимости от дозы, J-shaped relationship – доза, полезная до определенного значения, свыше – вредная.

Бессспорно, наиболее яркой особенностью научных текстов на лексическом уровне является использование научной терминологии. В. Н. Комиссаров определяет термины как «слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определенной области науки или техники» [4, с.110]. Признаками термина являются его точность, объективность, а также моносемантичность, т.е. независимость от контекста. Англоязычные медицинские статьи обнаруживают плотную

терминологическую насыщенность: hyperoxia, obesity, overweight, diabetes, endometrium, esophagus, gallbladder, insulin, hyperinsulinemia, insulin resistance, nasopharyngeal cancer.

Разумеется, как и в любом другом стиле, большую часть лексики научной литературы составляют общеупотребительные нейтральные слова.

Так как научный стиль служит для передачи когнитивной информации, то многочисленные языковые средства, используемые в научных текстах, обеспечивают их объективность. Необходимость передачи достоверной информации на уровне текста выражается в его атепоральности. Так, в англоязычных медицинских статьях преобладает абсолютное настоящее время (Present Simple), представляющее собой, так называемый *praesens generalis*.

- (1) Regular physical activity **helps** maintain a healthy body weight by balancing caloric intake with energy expenditure.
- (2) These diseases of old age **are expected** to increase significantly over the next few decades as people increasingly *survive* beyond the age of 80 years [8].

Одной из самых заметных особенностей на морфологическом уровне является склонность к номинативности. Преобладание в научном стиле именных, а не глагольных конструкций дает возможность большего обобщения, устранив необходимость указывать время действия. Так, например, словосочетание «when we arrived» в научном стиле будет выглядеть как «at the time of our arrival».

Стремление к объективности приводит к обезличенной манере изложения материала и, вследствие этого, отсутствию авторского «я» с его непосредственным грамматическим выражением первого лица. В качестве подлежащего, как правило, используется существительное из тематического круга данной области знаний или средства вторичной номинации (личные и указательные местоимения, наречия), указывающие на такое существительное. Отсюда широкое употребление безличных конструкций, т.е. преобладание инфинитивных, причастных и герундиальных оборотов.

- (1) **It is less clear that** physical activity reduces the risk of premenopausal breast cancer.
- (2) **There is evidence that** men who are physically active have a reduced risk of prostate cancer.
- (3) **There are no current recommendations** to use vitamin D supplements to reduce the risk of any type of cancer [6].

Как и в русском, в английском научном стиле принято избегать употребления личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа (I, me, you, your). Однако, широко распространено использование личных местоимений 1-го лица множественного числа (we, our), что показывает авторскую скромность и принадлежность к научному сообществу:

- (1) We here review some of the data that sparked some debate about the use of vitamin D for cancer prevention.
- (2) Our experience has been that healthy consumers as well as cancer patients seek vitamins and dietary supplements to boost their immune system, improve their quality of life, prevent occurrence or recurrence of cancer, and obtain many other benefits despite the absence of scientific evidence and even potential toxicity in some instances [6].

Также широко употребляются безличные конструкции с «one»: At the moment, there is no evidence that NPs, once close to the cell membrane, are taken up individually, and **one may doubt** the technical ability to capture this event [9].

Так как в научной литературе основное внимание направлено на конкретные факты, то личность автора отодвигается на второй план, поэтому в английском научном тексте преобладают пассивные конструкции.

- (1) Nearly 170 observational epidemiological studies of cancer risk and physical activity **have been conducted** at different cancer sites [6].
- (2) A possible role for vitamin D in cancer prevention **has been investigated** somewhat extensively but the evidence of potential benefit is limited and inconsistent [7].

Стилеобразующими факторами научной литературы являются необходимость доходчивости и логической последовательности изложения сложного материала, большая традиционность, поэтому синтаксическая структура должна быть стройной, полной и по возможности стереотипной. В этой связи характерной чертой медицинских статей на английском языке является сложный синтаксис, реализацией которого служат распространенные предложения с разнообразными типами сочинительной и подчинительной связи между ними.

- (1) By measuring the light reflected by the crystal, this technique can detect when and where cells or molecules bind to or are removed from the crystal surface [7].
- (2) While it is not yet possible to provide quantitative estimates of the overall risks, the research generated from past dietary programs has advanced our understanding of broad scale interventions which include messages such as simply the use of five fruits and vegetables a day [8].

Однако, в последнее время в английском научном стиле наметилась тенденция к упрощению. Так, по подсчетам О. Г. Лебедевой, простые предложения составляют в среднем свыше 50% от общего числа предложений в научном тексте [5, с. 36]. В то время как в русской научной прозе по-прежнему преобладают сложноподчиненные предложения.

Для достижения логического изложения материала используются такие синтаксические приемы как простые предложения с осложняющими конструкциями –

вводными словами и словосочетаниями (however, on the one hand, according to, и др.). Довольно распространены сложные предложения с союзами, указывающими на связь между предложениями (because, therefore, while, despite the fact that, и др.).

На синтаксическом уровне научный текст также характеризует полносоставность предложения, или, иначе говоря, отсутствие эллипсиса. Предложения часто осложнены инфинитивными и причастными оборотами: Individuals who are already overweight or obese are advised **to avoid** additional weight gain, and **to lose** weight through **balancing** caloric intake with physical activity, **choosing** foods low in calories, and **avoiding** large portion sizes [6].

С логичностью изложения тесно связаны такие стилеобразующие факторы научного текста как последовательность и связанность. Так, англоязычные медицинские статьи содержат большое количество средств формальной и семантической когезии. Можно даже говорить об избыточности этих средств. Значительную их часть составляют союзы и наречия, выполняющие функции связующих элементов речи, такие как: instead of, in consequence of, as a result, in connection with, thanks to, according to, by means of, however, also, again, now, thus, alternatively, on the other hand, и др.

В английском научном стиле в отличие от соответствующего русского стиля наблюдается тенденция к экономии языковых средств. Средством языковой компрессии служит также широкое использование атрибутивных конструкций. В большинстве случаев это двучлен (реже трехчлен), у которого оба его компонента (стержневой и зависимый) соединены с помощью синтаксической (атрибутивной) подчинительной связи [1, с. 133]. Следует отметить, что любое существительное, стоящее перед другим существительным, выполняет атрибутивную функцию, следовательно, образует препозитивную атрибутивную конструкцию.

Широкое употребление существительных в общем падеже в качестве препозитивных атрибутов считается одной из специфических характеристик английского языка и наиболее распространено именно в научном стиле. Употребление многокомпонентного словосочетания дает возможность передачи максимального количества информации при минимальном использовании грамматических средств связи: male lung cancer deaths – смертность мужского населения от рака легкого.

В текстах медицинских статей атрибутивные конструкции выполняют также терминообразующую функцию. Приведем примеры таких терминов: cell surface receptors – рецепторы поверхности клетки; tumor necrosis factor – фактор некроза опухоли; body mass index – индекс массы тела.

Ярким примером языковой компрессии служат аббревиатуры, которые образуются от начальных букв знаменательных слов словосочетания Основная задача аббревиатур –

экономия речи и письменного текста: tumor suppressor genes – **TSGs**; point-of-care devices – **POC devices**; increased body mass index – increased **BMI**; chronic obstructive pulmonary disease – **COPD**. Сокращение линейной и вертикальной протяженности языкового кода обеспечивается за счет записи количественных данных с помощью цифр, а также использования компрессирующих знаков пунктуации – скобок и двоеточий.

Таким образом, научный функциональный стиль в английском языке обладает рядом лингвостилистических особенностей, большинство из которых характерны и для соответствующего русского стиля. Однако английским научным текстам в большей мере свойственно стремление к сжатости и упрощению изложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Наука, 2002. – 384 с.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. Опыт систематизации выразительных средств. – М: Либроком, 2012. – 376 с.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
5. Лебедева О. Г. Стилистико-грамматические особенности английского текста // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: мат. междунар. заоч. науч. конф. – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С. 35–37.
6. Bhatti N. S. How to reduce your cancer risk: mechanisms and myths // International Journal of General Medicine. – [Электронный ресурс]. – 2011. – № 4. – pp. 277–287. – Режим доступа: <http://www.dovepress.com/international-journal-of-general-medicine-journal>
7. Blake R. S. Vitamin D and adolescent health // Adolescent Health, Medicine and Therapeutics. – [Электронный ресурс]. – 2010. – № 1. – pp. 1–7. – Режим доступа: <http://www.dovepress.com/adolescent-health-medicine-and-therapeutics-journal>
8. Liddicoat H. Obesity and respiratory diseases // International Journal of General Medicine. – [Электронный ресурс]. – 2010. – № 3 – pp. 335–343. – Режим доступа: <http://www.dovepress.com/international-journal-of-general-medicine-journal>
9. Mwakwari S. C. Gold nanoparticles: From nanomedicine to nanosensing // International Journal of Nanomedicine. – [Электронный ресурс]. – 2008. – № 1. – pp. 45–66. – Режим доступа: <http://www.dovepress.com/international-journal-of-nanomedicine-journal>

ЧЕРТОУСОВА С. В.

**ВЕРБАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАГОЛОВКА СОВРЕМЕННОГО
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ**

Аннотация. В статье рассматриваются вербальные характеристики заголовков немецкоязычных статей в экономических газетах и журналах. Выявляется лексико-семантическое наполнение заголовков и их структурная организация.

Ключевые слова: заголовочная модель, заголовочный комплекс, подзаголовок, тематический заголовок.

CHERTOUSOVA S. V.

VERBAL CHARACTERISTICS OF GERMAN ECONOMIC HEADLINES

Abstract. The article deals with the verbal characteristics of headlines of German economic articles. The author studies the lexico-semantic composition of the headlines as well as their structural organization.

Keywords: headline model, headline package, subheadline, topical headline.

Заголовок как структурная единица текста рассматривается в различных областях современной лингвистики. И, как известно, наиболее исследованным является заголовок художественных произведений. Однако развитие науки и общества требует расширения исследовательского поля данного языкового явления. В частности, следует обратить внимание на проблему заголовка публицистического текста, так как в настоящее время число публикаций СМИ в различных областях специального знания неуклонно возрастает. В этой связи в данной работе мы рассмотрим вербальные характеристики заголовков немецкоязычных экономических статей. Под вербальными характеристиками мы будем понимать лексико-грамматическое содержание заголовка, а также его структурную организацию.

При рассмотрении заглавий публицистических текстов необходимо, прежде всего, сформулировать классификацию заголовочных моделей. Обратившись к теории вопроса, посвященного изучению художественного заголовка, можно констатировать тот факт, что выделенные модели не соответствуют специфике публицистического экономического заголовка. Между ними наблюдаются лишь некоторые соответствия. В их число входят, например, структуры, установленные И. В. Арнольд, которая выделила заголовок-слово, заголовок-словосочетание (глагольное, именное или адъективное), заголовок-предложение (сочинительное или подчинительное), заголовок-инфinitивный оборот и заголовок-причастный оборот [1, с. 24]. Присваивая заголовку статус предложения, Т. В. Васильева

делит их на простые и сложные предложения, а также повествовательные, вопросительные и императивные [2, с. 15]. Характеризуя лексическую наполняемость заголовков, лингвисты выделяют типы заголовков по частям речи (существительные, инфинитивы, причастия и пр.), а также учитывают степень репрезентации концептуально-тематической линии текста и делят заголовки на автосемантические (выполняющие информативную функцию и позволяющие судить по ним о содержании текста) и синсемантические (не выражают содержательно-фактуальной информации) [3, с. 256; 4, с. 32]. По данным критериям были проанализированы заголовки публицистических статей, взятых из двух крупных немецких периодических изданий на экономическую тематику: журнала "Wirtschaftswoche" и газеты "Handelsblatt".

В журнале "Wirtschaftswoche" соотношение простых заголовков к заглавиям с подзаголовком составляет один к двум. Это соответствует соотношению количества небольших информационных сообщений к количеству статей большего объема, содержащих анализ определенной экономической темы или интервью со специалистом. Кроме того, во всех номерах журнала присутствует рубрикация материалов, не носящих чисто информационный характер, и поэтому заголовочный комплекс статей объемом более одной полосы содержит не только заглавие, подзаголовок, дающий краткое резюме текста, но также и тематический заголовок. Так, основными разделами журнала "Wirtschaftswoche" являются следующие: "Namen & Nachrichten", "Politik & Wirtschaft", "Unternehmen & Märkte", "Geld & Börse". Данные разделы, в свою очередь, содержат рубрики, периодически в них появляющиеся. Например, в разделе о мировой экономике присутствует рубрика "Warum eigentlich...", где, исходя из названия, авторы пытаются дать ответы на актуальные вопросы из области экономики. Например, в одном из номеров тематический заголовок "Warum eigentlich..." входит в заголовочный комплекс статьи "...wird die Bedeutung des Wechselkurses für den deutschen Export oft überschätzt?" [6, с. 40]. Другими тематическими заголовками, типичными для данного журнала, являются "Trends der Woche" [6, с. 100], "Hitliste" [6, с. 101] и др. Примерами простых заголовков из журнала "Wirtschaftswoche" являются: "Gewitterwolken am Konjunkturhimmel" [6, с. 39], "Schatz gekauft" [6, с. 101], "Burgbilder" [6, с. 114]. Данные заголовки предшествуют статьям небольшого объема и, поэтому, не представляют собой заголовочных комплексов с дополнительными элементами.

Рассмотрев состав заглавий журнала "Wirtschaftswoche", становится очевидно преобладание заголовков-словосочетаний, их около 60% от общего числа заголовков в одном номере. Большинство из них построено по модели «прилагательное + существительное»: "Geschmeidiger Versöhner" [6, с. 21], "Permanente Kulturrevolution" [6,

c.60]. Присутствуют также заголовки-словосочетания, состоящие из двух существительных, соединенных предлогом: "Weiter am Tropf" [6, с. 38], "Zeit zum Sparen" [6, с. 42].

Среди заголовков-слов (их около 10% от общего числа заголовков в номере) большинство представляют собой сложные существительные, состоящие из двух основ: "Flugreisen" [6, с. 98], "Rand-Erscheinung" [6, с. 102]. Это можно объяснить широким использованием приема словосложения в современном немецком языке. Заголовок-слово также может состоять из прилагательного или имени собственного, если это заглавие статьи-интервью: "Bio-raffiniert" [6, с. 67], "Mitsuru Imanaka, Rafael Schröer" [6, с. 18].

Также необходимо выделить заголовки, содержащие в себе инфинитивные или причастные обороты. Такая модель несвойственна заголовкам к текстам художественного и научного стилей. В результате, заголовок публицистической статьи на экономическую тематику обретает разговорный оттенок: "Ruhige Kugel schieben" [6, с. 99], "Vordenker gesucht" [6, с. 76]. Общее число таких заголовков в одном номере составляет около 10%.

Заголовки-предложения в журнале "Wirtschaftswoche" преимущественно представляют собой простые предложения и составляют около 20% от всех заголовков в номере. Целое предложение может быть вынесено в заголовок, если журналист хочет продублировать в нем яркую цитату из интервью: "Gutes Design lügt nicht" Peter Zec, *Chef des Red Dot, über Formen von Industriegütern* [6, с. 112]. Также предложение может стать заголовком краткой статьи и, таким образом, выполняет функцию резюме: "CDU löst SPD ab" [6, с. 11]. Сложноподчиненные или сложносочиненные предложения используются в заголовках нечасто, так как по правилам журналистики заглавия должны быть краткими и ясными для читателя.

С точки зрения функционального типа около 70% заголовков-предложений журнала "Wirtschaftswoche" являются повествовательными предложениями: "Revolte wird Pflicht" [6, с. 34], "Wir müssen mit mehr Unsicherheit leben" [6, с. 54]. Более экспрессивные и интригующие заголовки – вопросительные и побудительные предложения – в данном издании используются редко, обычно в рубриках со статьями для читателей-неспециалистов, нуждающихся в простом изложении информации на повседневные темы: "Hilfe, meine Kasse fusioniert!" [6, с. 49] (в статье идет речь о системе страхования и правах застрахованных), "Warum eigentlich... ...wird die Bedeutung des Wechselkurses für den deutschen Export oft überschätzt?" [6, с. 40] (рассуждения о влиянии курса валюты на немецкий экспорт).

Необходимо также обратить внимание на лексический состав заглавий журнала "Wirtschaftswoche". Как отмечалось выше, в статьях-интервью заголовок может представлять собой цитату из последующего текста, заключенную в кавычки и выделенную

графически, а может также содержать только имена экспертов: "Mitsuru Imanaka, Rafael Schröer. Geschäftsführer von Kyocera Fineceramics" [6, с. 18]. Такая модель заголовка нетипична для газетной публицистики, так как в ней не содержатся ни тема статьи, ни выразительные средства, способные привлечь внимание читателя.

Имена собственные выносятся также и в тематические заголовки: это могут быть не только личные имена, но и названия компаний, о которых пойдет речь в статье: "Karstadt. SMS von Verdi" [6, с. 12] (Karstadt – одна из крупнейших торговых сетей Германии).

Если цитаты и имена собственные встречаются лишь в 10% заголовков, то употребление иностранных слов в заглавиях журнала "Wirtschaftswoche" значительно шире. При этом следует сделать оговорку, что многие англизмы так прочно вошли в повседневную речь немцев, а многие английские термины, в том числе и из области экономики, полностью адаптировались в немецкоязычной среде, что рассматривать их в качестве иностранных слов будет неверно. Поэтому мы будем считать заимствованиями лексику, не ассимилированную строем немецкого языка и не зафиксированную в толковых словарях. Большинство иностранных слов, как и можно было предположить, является англизмами: "German Bubble" [6, с. 5], "Wild Card" [6, с. 101]. Присутствуют также испанские и французские заимствования: "Adieu Paris" [6, с. 30], "Bandidos – Mitglied geduldet" [6, с. 99]. Следует заметить, что заимствованных экономических терминов в заглавиях статей нами не обнаружено. Это связано, в первую очередь, с тем, что статьи в данном журнале не принадлежат к научному функциональному стилю и в комбинации элементов нескольких функциональных стилей научная лексика не является доминирующей.

Таким образом, для экономических статей в журнале "Wirtschaftswoche" характерно наличие заголовочного комплекса, имеющего в составе тематический подзаголовок; заголовок состоит из простого повествовательного предложения или словосочетания из прилагательного и существительного; часто употребление англизмов и заимствований из других языков, пока не вошедших в общеупотребительную лексику немецкого литературного языка.

В экономической газете "Handelsblatt" простые заголовки (около 60%) преобладают над заголовочными комплексами. Длина заголовка находится в прямой зависимости от объема статьи, и поэтому большое количество небольших информационных статей, соответствующих формату ежедневной газеты, не содержит заголовочных комплексов: "Berlin hat Angst vor der Wahrheit" [5, с. 6], "Merz Pharma will in den USA zukaufen" [5, с. 24]. Деление на рубрики, безусловно, присутствует, но при этом тематические подзаголовки получают только 40% статей, занимающих как минимум половину газетной страницы.

Названия рубрик газеты "Handelsblatt" практически совпадают с рубриками журнала "Wirtschaftswoche", что объясняется общей экономической тематикой: "Wirtschaft & Politik", "Unternehmen & Märkte", "Finanzen & Börsen", секция интервью названа "Meinungen". Тем не менее, тематические подзаголовки здесь выдержаны в авторском стиле и не являются лишь рубрикаторами материала: "City talk" [5, с. 10], "Die Gewinner der Krise" [5, с. 34].

Большинство заголовков (более 80%) представляют собой простые повествовательные предложения. Побудительные предложения в рассматриваемом номере газеты полностью отсутствовали, а вопрос использовался лишь однажды в заголовочном комплексе "E-Mails lesen auf dem Handy ist schon fast alltäglich. Aber muss jetzt auch noch das Festnetztelefon Digitalkorrespondenz abliefern?" [5, с. 52]. Большинство же предложений, как отмечалось выше, носят повествовательный характер и достаточно полно отражают тему озаглавливаемой статьи: "Professionelle Investoren rechnen mit einer stärkeren Konjunktur" [5, с. 38]. Здесь следует подчеркнуть, что газета выходит ежедневно и не читается покупателями «от корки до корки». В связи с этим большинству читателей достаточно прочтения заголовка, чтобы получить общую информацию об экономических событиях в Германии и мире.

Заголовки-словосочетания присутствуют в небольшом количестве и содержат более двух компонентов, обычно это распространенные определения: "Stabilität durch Privat und Firmenkunden" [5, с. 34], "Das unbesteckliche Auge der exakten Wissenschaft" [5, с. 26]. Употребление инфинитивных форм глагола и причастий также незначительно: "Zahl der Existenzgründungen 2009 gestiegen" [5, с. 14], "Singen für die gute Sache – und die Harmonie" [4, с. 10].

При анализе лексики заголовков статей в газете "Handelsblatt", обращают на себя внимание многочисленные имена собственные-названия компаний и государственных структур, о которых идет речь в статьях: "Telekom benennt neue Aufsichtsräte" [5, с. 20], "Reebok verspricht solide Gewinne" [5, с. 20]. Нередко в заглавие статей выносят имена известных политических деятелей: "Obama verteidigt die Schließung von Guantanamo" [5, с. 16], а в рубрике "Meinungen" имена интервьюируемых часто становятся тематическими подзаголовками: "Richard Batty, Michael Kramarsch. Personalberatung Towers Watson mit neuer Spitze" [5, с. 54].

Наличие в каждом третьем заглавии иностранных слов обусловлено включением в них названий зарубежных фирм и специалистов в области экономики: "Handelsplattform Tradegate Exchange startet" [5, с. 35] (Tradegate Exchange – название новой биржи в Германии). Еще один пример заголовка с иностранными словами – метафорический перенос из английского языка выражения «hall of fame» для рассказа о семейных династиях

предпринимателей: "Hall of Fame – große Bühne für die Pioniere der deutschen Wirtschaft" [5, с. 27]. В статье о банкротстве производителя роялей обыгрывается этимология слова «фортепиано»: "Piano Morte" [5, с. 4] (здесь выбраны заимствования из итальянского).

Таким образом, отличительными характеристиками заглавий статей из экономической газеты "Handelsblatt" являются простые заголовки без заголовочных комплексов, построение заголовков в виде простых повествовательных предложений с частым употреблением имен собственных и иноязычных слов. В них присутствуют элементы научного и газетно-публицистического функциональных стилей.

Сравнив заглавия экономических статей журнала "Wirtschaftswoche" и газеты "Handelsblatt", выделим основные вербальные характеристики заголовка немецкого экономического текста.

1. Статьи небольшого объема озаглавлены простым заголовком, в то время как более крупные тексты содержат заголовочные комплексы с тематическими подзаголовками.

2. Основные модели построения заголовков-словосочетаний – «прилагательное + существительное» или «существительное + предлог + существительное». Присутствуют заголовки с инфинитивом глагола и причастными оборотами.

3. Заголовки-предложения являются простыми повествовательными предложениями без трудных для восприятия синтаксических конструкций.

4. Во всех изданиях в лексике заглавий преобладают имена собственные и заимствования из других языков, что обусловлено экономической тематикой рассмотренных статей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 23–31.
2. Васильева Т. В. Заголовок в когнитивно-функциональном аспекте (на материале современного американского рассказа): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 246 с.
3. Трофимова Ю. М. Заглавие научной статьи как речевое действие // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – 2012. – № 7.– С. 255–262.
4. Шиверская Н. В. Некоторые аспекты соотношения заголовка и корпуса текста // Проблемы лингвистического анализа текста. – Иркутск, 1990. – С. 33–40.
5. Handelsblatt. – 2010. – № 2. – 58 s.
6. Wirtschaftswoche. – 2010. – № 27. – 96 s.

СЛЕЖОВА Н. С.

**АВТОРСКИЕ АББРЕВИАТУРЫ И ТЕРМИНЫ КАК НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ
ДЕЙКТИКИ В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ ПРОЗЫ**

Аннотация. Статья посвящена анализу параметров функционирования авторских аббревиатур и авторских терминов в англоязычных научных текстах лингвистической тематики.

Ключевые слова: контекстуальный дейксис, необязательные дейктики, авторские аббревиатуры, авторские термины.

SLEZHOVA N. S.

**AUTHOR'S ABBREVIATIONS AND TERMS AS OPTIONAL DEICTICS
IN ENGLISH TEXTS OF SCIENTIFIC PROSE**

Abstract. The paper presents an analysis of author's abbreviations and terms. The study focuses on the parameters of their functioning in the English linguistic texts.

Keywords: contextual deixis, optional deictics, author's abbreviations, author's terms.

Понятие «дейксис» как «языковое указание» было введено К. Бюлером в начале XX века [1]. В настоящее время дейксис получил широкое распространение в языкоznании. Сегодня существует огромное количество определений дейкса. Дейксис (греч. "указание"), использование языковых выражений и других знаков, которые могут быть интерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта – его участникам, его месту и времени.

В речи дейксис реализуется единицами, которые носят название «дейктические элементы» или «дейктики». Функционирование дейктических элементов в речи всегда зависит от системы дейктических координат высказывания.

Контекстуальный дейксис, который является основным видом дейкса в текстах научного жанра, функционирует лишь в письменном контексте. Он определяется многими исследователями как указание на различные элементы контекста [1; 3; 4].

Данный тип дейкса в научном тексте реализуется лексическими или структурными элементами текста, которые отсылают к какой-либо части текста: above, further, in the preceding extract, in the following passage, и т. д. Такой тип дейкса характерен для официально-делового стиля речи, а также для научных и научно-популярных текстов, статей, монографий, учебников.

Функционирование дейктических элементов в речи всегда зависит от системы дейктических координат. В случае контекстуального дейксиса воспользуемся следующими элементами системы дейктических координат. Дейктический центр (дейктический элемент) является одним из элементов системы дейктических координат. Из дейктического центра выходит вектор дейктического указания. Дейктический вектор представляет собой направление текстуальной связи дейктика с его антецедентом. Антецедент – элемент предшествующего или последующего контекста, на который указывает дейктик. Без доступа к антецеденту референция с помощью вектора дейктического указания дейктическим элементом осуществляться не будет. Вектор дейктического указания может указывать на антецедент, находящийся в предшествующем контексте (анафорическое указание) или на антецедент, находящийся в последующем контексте (катафорическое указание).

Дейктичность некоторых единиц остается под вопросом. На основе анализа параметров референциальной процедуры, такие единицы Коровина И. В. определяет как необязательные, мнимые или возможные дейктики [2]. К таким единицам мы относим авторские аббревиатуры, которые используются только в единичных текстах и не зафиксированы в словарях, а также авторские термины.

Материалом исследования послужили научные статьи лингвистической тематики на английском языке. Было проанализировано 35 аутентичных текстов 27 различных авторов общим объемом около 2 500 страниц. Авторские аббревиатуры и термины были отобраны методом сплошной выборки. В результате было выявлено 33 авторские аббревиатуры и 14 авторских терминов.

Методологию проведенного исследования можно описать следующим образом. Был осуществлен просмотр лингвистических статей на английском языке, после чего была составлены выборка из аббревиатур и терминов, использованных в материале исследования. Далее каждая аббревиатура и термин были проверены на предмет их окказиональности. Если аббревиатура не найдена в словаре или если в статье она имеет значение, не представленное в словарной статье, то ей присваивается статус авторской. В случае с терминами процедура была несколько иной. Термин считается авторским лишь в случае, когда в контексте данной лингвистической статьи он приобретает значение, не имеющее ничего общего с его денотативными значениями, зафиксированными в словарях.

Итак, анализ необязательных дейктиков начнем с аббревиатур. Обратимся к следующему примеру: Here are some examples of clauses which display an ‘SPCA’ pattern <...> [5].

В данном случае абсолютно невозможно точно декодировать выделенную аббревиатуру. Можно попытаться найти ее эквивалент в системе языка. Так, в словарях находим следующие варианты: SPCA = serum prothrombin conversion accelerator, Society for the Prevention of Cruelty toward Animals и second parametrically controlled analyzer. Отметим, что найденные денотаты не позволяют осуществить эффективной речевой референции данной аббревиатуры. Чтобы верно декодировать аббревиатуру следует прибегнуть к дейктическому указанию. Обратимся к предшествующему контексту: For our purposes, we can distinguish four basic elements of clause structure. These are the Subject (S), the Predicator (P), the Complement (C) and the Adjunct (A). Here are some examples of clauses which display an 'SPCA' pattern <...> [5].

Проанализируем вышеуказанный пример более детально. Попробуем доказать, что выделенная аббревиатура (SPCA) обладает характеристиками, характерными для дейктических элементов. Предположим, что аббревиатура 'SPCA' будет дейктическим центром или центром дейктического указания. Отметим, что дейктический центр может встречаться в тексте неоднократно. В отличие от центра дейктического указания, антецедент (в нашем примере the Subject (S), the Predicator (P), the Complement (C) and the Adjunct (A)) в случае авторских аббревиатур всегда представлен в тексте единоразово. К тому же без антецедента, к которому отсылает вектор дейктического указания, референция будет невозможна. Так, 'SPCA' приобретает свое релевантное значение только в рамках локального контекста. И это значение может измениться, если поместить данный лексический элемент в контекст, принадлежащий к сфере другой науки. Так, например, в тексте сельскохозяйственной тематики 'SPCA' получило бы значение «serum prothrombin conversion accelerator». Следовательно, можно предположить наличие у авторских аббревиатур функций дейктического указания.

В данном примере мы наблюдаем случай, когда автор сам создает аббревиатуру, функционирование которой возможно лишь в рамках его текста. Подобные аббревиатуры не переходят в систему языка, а существуют только в рамках локального контекста. Их значение в данном контексте можно назвать контекстуальным. Причем декодирование данного контекстуального значения представляется сложным для читателя.

Вторым этапом исследования был анализ авторских терминов, то есть терминов, которые приобретают смысл только в контексте, предоставленном автором. Обратимся к примеру: Thus, English is a **twice born** language in the socio-cultural contexts that fall outside the inner circle [6].

Обратив внимание на выделенное словосочетание, можно заметить, что оно состоит из полнозначных слов. Однако денотаты данных слов не позволяют осуществить референцию данных элементов в конкретном отрезке текста.

Если автор научного текста использует широко известные термины и аббревиатуры, то для реципиента не составляет трудности декодировать данные элементы речи. Но бывают случаи, когда реципиенту нужно воспользоваться специализированным словарем, чтобы верно разобраться в тексте. Существуют и другие факторы, которые могут затруднить понимание текста. Например, случаи, когда автор вводит свои термины, приписывая уже существующим в языке лексическим единицам совершенно новые значения. При анализе следующего примера обратимся к элементам недостающего контекста: *In addition to the above terms, people describe the multiple new varieties of English as manifestations of a transplanted, indigenized, reincarnated language. In the present paper I call them "**twice born varieties**", because the language was transported from its native soil (the U.K.), transplanted into an alien soil (India, for example), and indigenized to perform culture-specific functions. Thus, English is a **twice born** language in the socio-cultural contexts that fall outside the inner circle [6].*

Таким образом, в рассмотренном примере автор вводит новый термин и приписывает ему определенное дейктическое значение. Данный лексический элемент обладает временным контекстуальным значением, которое имеют смысл только в рамках одного или нескольких текстов. По нашему мнению, в текстах англоязычной научной прозы присутствуют лексические единицы, которые имеют временное, локальное значение, присвоенное им автором. При этом в процессе референции, осуществляющейся авторскими терминами в тексте, их номинация каждый раз осуществляется посредством дейктического указания на их антецедент.

Таким образом, можно сделать ряд выводов, касающихся принадлежности авторских аббревиатур и авторских терминов к дейктикам. Необязательными дейктиками считаются речевые единицы, дейктичность которых неоднозначна или спорна. К таковым единицам мы относим авторские аббревиатуры и авторские термины, которые используются только в рамках одного текста и не зафиксированы в словарях. Причислить авторские аббревиатуры и авторские термины к дейктикам позволяет их анализ на основе системы дейктических координат. Авторские аббревиатуры и термины являются дейктическими центрами. В свою очередь, вектор дейктического указания отсылает к антецеденту в предшествующем контексте, без которого референция невозможна. Вектор указания в случае авторских аббревиатур и терминов всегда анафоричен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. – Москва: Прогресс, 1993. – 501 с.
2. Коровина И., Свойкин К. Композиционная типология контекстуального дейксиса: на материале текстов англоязычной научной коммуникации. – LAP: Lambert Academic Publishing, Germany, 2011. – 119 с.
3. Филлмор Ч. К описательной структуре для пространственного дейксиса // Речь, Место и Действие. – Чичестер, Нью-Йорк, Сингапур: Джон Виляй и Сыновья, 1982. – С. 31-59.
4. Lakoff R. Remarks on this and that // Berkley Studies in Syntax and Semantics. – L.: The MIT Press, 1974. – pp. 345-356.
5. Simpson P. Stylistics. A resource book for students. – London: Taylor & Francis e-Library, 2004. – 262 p.
6. Patil Z. N. On the Nature and Role of English in Asia. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thedailybeast.com/newsweek/2010/07/30/how-to-speak-american.html>

РУЗАВИНА Н. М., ДОЛБУНОВА Л. А.
**КОГНИТИВНО-ВЕРБАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОМПЬЮТЕРНОГО
ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОММЕНТАРИЕВ
ИНТЕРНЕТ-САЙТА «YOUTUBE»)**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности компьютерного дискурса англоязычных комментариев с позиций когнитивно-дискурсивного подхода. Отмечаются основные социально-языковые характеристики данного дискурса, а также выделяются компоненты его когнитивного пространства, структурированные ключевым концептом «оценка».

Ключевые слова: компьютерный дискурс, комментарий, когнитивный анализ, когнитивное пространство, концепт, оценка.

**RUZAVINA N. M., DOLBUNOVA L. A.
COGNITIVE-VERBAL CHARACTERISTICS OF ELECTRONIC DISCOURSE
(BASED ON ENGLISH COMMENTARIES ON YOUTUBE)**

Abstract. The article considers the basic characteristics of electronic discourse of English commentaries in the framework of cognitive-discourse analysis. The study deals with the discourse social and verbal parameters as well as the components of its cognitive domain, structured around the key concept “assessment”.

Keywords: electronic discourse, commentary, cognitive analysis, cognitive domain, concept, assessment.

Речевая деятельность, понимаемая как дискурс, находится в центре внимания современной лингвистики и смежных с нею областях знания. По мнению В. И. Карасика, дискурс, являясь одной из основных категорий в коммуникативной лингвистике и современных социальных науках, допускает множество научных интерпретаций [3, с. 189]. Ю. С. Степанов считает, что «дискурс – это "язык в языке", но представленный в виде особой социальной данности» [10, с. 43]. Он подчеркивает, что исходными элементами дискурса являются «излагаемые события, их участники, перформативная информация и "несобытия", т. е.: а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Ibidem]. М. Телен замечает, что дискурс не накапливает информации, он является способом передачи информации, но не средством ее накопления или умножения. Согласно его трактовке, дискурс – это «функционирование языка в реальном времени» [12, с. 291].

В данной статье мы рассмотрим специфику компьютерного дискурса, который в настоящее время остается еще мало изученным с позиций когнитивно-дискурсивного подхода. Так, Е. Н. Галичкина полагает, что компьютерный дискурс представляет собой вполне традиционный способ письменного общения, но осуществляется он с помощью компьютера (через электронный сигнал), что и является его отличительной особенностью [1, с. 6]. Однако следует отметить, что, хотя данный вид речи совершается в письменной форме, он обладает характеристиками устной неподготовленной речи. Для компьютерной коммуникации, относящейся к мультимедийному типу, характерно наличие графических изображений, т.е. информация передается не только в виде вербальных текстов, но и в виде различных визуальных образов. Е. С. Кубрякова определяет компьютерный дискурс как «явление, исследуемое on-line, в текущем режиме и текущем времени, по мере своего появления и развития» [5, с. 27]. Результаты исследования компьютерного (электронного) дискурса показывают, что он технически опосредован, носит массовый характер, взаимно направлен; выполняет функции общения и распространения информации, а также воздействия и убеждения. При этом вся информация носит социальный характер, так как отражает интересы определенных социальных групп, их моральные, духовные ценности и нормы [1; 2; 7]. Таковыми являются и тексты-комментарии на интернет-сайте «YouTube», которые служат объектом нашего исследования.

И. Е. Егорова подчеркивает, что в процессе коммуникативного взаимодействия происходит построение общего когнитивного пространства коммуникантов: «Его построение возможно лишь в случае личностно-ориентированной коммуникации, т.е. диалога» [2, с. 58]. По мнению Г. Ньюби, когнитивное пространство представляет собой некий человеческий опыт, который выражается в отношениях между концептами, формируемыми в процессе познания [11, с. 345]. В связи с этим одной из задач когнитивно-дискурсивного направления является получение списка языковых единиц, которые объективируют в дискурсе интересующий исследователя концепт. Понятие «концепт» представляет собой результат познавательной деятельности человека и общества (Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик и др.). Классическим является определение концепта, данное Е. С. Кубряковой: «концепт – это оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [4, с. 90]. З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. А. Маслова и многое другие лингвисты отмечают, что концепт имеет сложную структуру и для ее описания важно исследовать номинативное поле концепта – «совокупность языковых средств, вербализующих концепт» [9, с. 47; 6, с. 64]. В содержание концепта

входит также и категория оценки – «отношение человека к тому или иному отражаемому объекту» [6, с. 65].

Перейдем к анализу отобранного нами материала в количестве 160 единиц, в число которых вошли комментарии к англоязычным художественным фильмам, находящимся в свободном доступе на интернет-сайте «YouTube». Как мы уже отмечали, функционирование исследуемого дискурса ограничено письменной формой речи, которая приближена к неформальному устному разговорному стилю и, следовательно, отражает все характеристики устной спонтанной речи, когда говорящий не заботится о грамматической, орфографической правильности своих высказываний. Компьютерный дискурс комментариев диалогичен, причем его диалогичность сохраняется даже при наличии временного разрыва между репликами. Он сиюминутен, несмотря на дистантность реплик, поскольку свершается в текущее время в ответ на просмотр или высказанную оценку фильма. Комментарий отражает особенности дискурса определенной социальной группы, к которой принадлежит автор реплики, и характеризуется статусным равноправием. Очень часто используются условные сокращения, общепринятые в «электронном» сообществе – замена слова или его части омонимичным по звучанию наименованием буквы или цифры. Следует привести и такие характеристики компьютерного дискурса как динамичность, процессуальность, персонифицированность, ситуативная обусловленность и высокая эмоциональная окрашенность оценки.

В жанровом аспекте исследуемый дискурс комментариев прежде всего является выражением собственного мнения в полемической форме – обсуждении различных вопросов, споре и отстаивании своей точки зрения. Например:

- “i luv dis film, only sayin thou but jack coud of livd cuz rose neva checked hiz pulse nd she let go, she prmised 2” MsTitanicLover (29.11.12)
- “He was frozen... The freezing water stopped his heart from pumping blood...” chocolate37131 (3.12.12)
- “Hw do u knw that? Were u ther?” MsTitanicLover1912 (20.12.12)
- “No, but being in freezing cold water for that long would make your heart stop.” chocolate37131 (23.12.12)

Отличительной особенностью компьютерного дискурса комментариев является наличие графических изображений – «смайликов», т.е. эмоции передаются не только в вербальным, но и графическим способом. Наиболее частотными в исследуемом дискурсе являются смайлики, обозначающие положительные (13 случаев) и отрицательные эмоции (10 случаев). Например: I cryed :(; this is my favourite movie :); It Was Amazing <3; so do I :D.

Временная дистантность реплик также является особенностью данного вида дискурса. Коммуникант-комментатор имеет возможность вступить в диалог или выразить свое мнение в любое время после просмотра фильма. И такая возможность сохраняется, пока фильм выставлен на сайте. Этим отличается данный вид электронного дискурса от, например, комментария в политическом дискурсе, когда сиюминутность реакции в on-line режиме задается временной ограниченностью и актуальностью события, важностью активной ответной реакции на него здесь и сейчас.

- (1) – “If I may ask, what do you guys think most about this movie? The Love Story, or The Ship Sinking?” matrixfan127 (15.10.12).
 - “4 me, it's both.” gracie99will (12.11.12)
- (2) – “This movie is so incredibly poorly filmed.” CarissaXo99 (16.08.12)
 - “I disagree with you.” sarcasmswitch (17.01.13)

Естественно, язык комментария отражает принадлежность его автора к той или иной социальной группе. Тем не менее, можно утверждать, что особенностью комментариев является тот факт, что часто они пишутся без учета грамматических правил и правил орфографии, поскольку дискурс комментариев характеризуется, как уже отмечалось, быстрой реакцией и непосредственной эмоциональной вовлеченностью коммуникантов в процесс общения, активностью говорящих в отношении выражения своего отношения к фактам, что обуславливает некую степень пренебрежения языковыми правилами. Опускаются артикли, сложные временные формы, вспомогательные глаголы, опускаются или заменяются графемы в слове (что не влияет на понимание сказанного), часто употребляются сокращенные формы: the best film I ever saw; it make me cry; Coming to VHS; ... rose neva checked hiz pulse; gr8 movie; 4 me, it's both; How do u knw that?

Когнитивное пространство дискурса комментариев формируется ядерным концептом «оценка», поскольку основной целью комментария является выражение собственного мнения о фильме или реже – высказывание на мнение о фильме другого коммуниканта. Исходя из того, что оценивают комментаторы, было выделено пять фокусных концептов: «фильм», «актеры», «сюжет», «техническая характеристика», «эпизод». Концепт «фильм» входит в ядро исследуемого когнитивного пространства, что определяется частотностью его выражения – 106 примеров вербализации данного концепта (movie – 67 примеров, film – 39 примеров). Очевидно, что комментаторы ориентированы в первую очередь на общую оценку фильма, чем его составляющих, что может служить неким доказательством гештальтного восприятия действительности. На ближней периферии находится оценка актерской игры. Итак, в периферию когнитивного пространства комментариев включаются такие концепты как: 1) «актеры» – 32 примера вербализации; 2) «сюжет» – 10 примеров вербализации;

3) «техническая характеристика» – 7 примеров вербализации; 4) «эпизод» – 5 примеров вербализации.

В таблице 1 наглядно отражена частотность выражения фокусных концептов в исследуемых комментариях (см. Таблица 1).

Таблица 1

Концепт	В количественном соотношении	В процентном соотношении
Всего	160	100 %
1. Фильм	106	66, 3 %
2. Актеры	32	20 %
3. Сюжет	10	6, 3 %
4. Техн. хар-ка	7	4, 4 %
5. Эпизод	5	3 %

Выше мы уже констатировали, что оценка является ключевым концептом исследуемого когнитивного пространства, поскольку комментарий как речевой жанр имеет целью выразить свое отношение к событию и дать ему оценку. Так, в словаре С. И. Ожегова дается следующее определение комментария: «1. обычно мн. Объяснение, толкование к какому-либо тексту. 2. мн. Рассуждения, пояснительные и критические замечания о чем-н.» [6, с. 233]. В дискурсе комментариев оценка выделенных выше фокусных концептов выражается верbalными и невербальными средствами. Вербальными средствами выражения оценки чаще всего выступают следующие части речи:

1) прилагательное – 90 примеров. Почти все они имеют положительную оценку: favorite, amazing, good, touching, great, brilliant, beautiful, romantic, incredible, wonderful, hilarious, cool, nice, lovely, the best, the most, the greatest. И только 7 примеров несут отрицательную оценку: sad, terrible, boring, tragic, bad, stupid, depressing;

2) глагол – 18 примеров, которые отражают положительную оценку: love, like, cry. Был зафиксирован лишь один пример с отрицательной оценкой – hate, который выражает крайнюю степень недовольства комментатора.

Невербальными средствами выражения оценки фокусных концептов в большинстве случаев выступают:

1) «смайлики»: ^.^, ;), <3, :D, :), :(. В изучаемом дискурсе большинство смайликов заключают в себе положительную оценку и передают эмоции (восторг) комментаторов; зафиксирован лишь один смайлик :(с отрицательной оценкой;

2) многократный повтор восклицательного знака, а также капитализация графем. Несут положительную оценку и выражают восхищение комментатора: favorite movie!!!!; THE BEST!!!!!!;

3) многократный слитный повтор одной и той же графемы с целью передачи восторженного эмоционального отношения: Aston Martin mmmmmmm; Cooooolio!; i love u winonnnaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa ryder; they are soooo cute.

Таблица 2 показывает частотность средств вербализации фокусных концептов в исследуемом материале (см. Таблица 2).

Таблица 2

Средства выражения		В количественном соотношении	В процентном соотношении
Всего		160	100 %
I. Верbalные	– прилагательное	90	56, 3 %
	– глагол	18	11, 3 %
II. Неверbalные	– «смайлики»	8	5 %
	– повтор восклицательного знака, капитализация графем	7	4, 4 %
	– повтор графем	5	3, 1 %

Таким образом, результаты исследования показали, что изучаемый вид компьютерного дискурса, несмотря на его письменную форму, стилистически приближен к устному неформальному разговорному стилю и относится к области виртуальной реальности. К отличительным свойствам данного дискурса относятся опосредованность, динамичность, диалогичность, сиюминутность, статусное равноправие участников, полемичность, эмоциональная оценочность, дистантность реплик, использование графических средств. Когнитивный анализ показал, что данный дискурс представлен когнитивным пространством, формирующимся на основе эмоциональной, гештальтной оценки фильма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дис. ... канд. филол. н. – Астрахань, 2001. – 212 с.
2. Егорова И. Г. Личностно-ориентированная коммуникация как процесс построения совместного когнитивного пространства. – М.: Изд-во. Моск. ун-та, 2001. – 155 с.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
4. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 245 с.
5. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 2000. – 240 с.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 266 с.
7. Михайлов В. А., Михайлов С. В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества. – М.: СПБ, 2004. – 139 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988. – 749 с.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: ACT: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
10. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov.htm>
11. Newby G. B. Cognitive Space and Information Space. – USA, 2001. – 538 p.
12. Thelen M., Lewandowska B. From Interpretation to Re-expression of Meaning in the Translation Process // Translation and Meaning. – Tomaszczyk: Maastricht Dutch State School of Translation and Interpreting, 1990. – 291 p.

ПОЛЕТАЕВА Е. Д., СОСНОВСКАЯ О. О.
К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам перевода технической документации, в частности переводу терминов. Авторы проанализировали специфику данного перевода и пришли к выводу о том, что при его выполнении требуется знание не только иностранного языка, но и соответствующей области науки и техники. В некоторых случаях необходима консультация узкого технического специалиста.

Ключевые слова: термин, эквивалент, вариант, перевод, документация, лексика, контекст, калькирование, текст.

POLETAEVA E. D., SOSNOVSKAYA O. O.
ON RUSSIAN TRANSLATION OF ENGLISH TECHNICAL TERMS

Abstract. The paper considers some issues of technical documentation translation. Particularly, the study focuses on technical terms translation. In this connection, the authors have analyzed the specifics of the translation in question. A conclusion was made that a good technical translator should know not only the foreign language but also be familiar with the relevant science or technical field. In some cases, a technical expert's advice is required.

Keywords: term, equivalent, variant, translation, documentation, vocabulary, context, loan translation, text.

В эпоху господства промышленного производства адекватный перевод технической документации и терминологии имеет большое значение. Технический перевод – это перевод технической документации, а также статей из научных и технических изданий. Для выполнения технического перевода требуется не только знание иностранного языка, но и профессиональное знание соответствующей области науки и техники, и даже консультация узкого технического специалиста. В данном виде переводов мы наиболее часто сталкиваемся со сложными синтаксическими конструкциями, специальными сокращениями, различными аббревиатурами и терминами. В техническом переводе переводчик должен избегать любых неточностей и «размытости» значений. Здесь обязательной является четкая подборка терминологии, которая требует изначально правильного перевода.

Перевод технического текста невозможно выполнить без использования технических и лингвистических источников, с которыми нужно уметь правильно работать. Для хорошего перевода необходимы словари (словари общей лексики, толковые словари, словари

сокращений и т.д.), справочники и специальная литература. В некоторых случаях для обеспечения точности перевода заданного материала требуется более углубленное изучение литературы по конкретной тематике.

Актуальность изучения способов и проблем перевода терминов технической направленности обусловлена быстрым развитием промышленного производства, ростом количества компаний, специализирующихся на производстве различной продукции, стремлением компаний выйти на международный рынок, расширением сотрудничества между российскими и зарубежными компаниями и растущим объемом коммуникации в этой профессиональной области. Необходимым условием межъязыковой коммуникации является эквивалентность терминов.

Говоря о научно-техническом переводе, следует отметить, что в этой сфере существует устоявшаяся манера изложения. Данная специфика изложения используется для того, чтобы специалисты сразу могли увидеть то, что им необходимо (руководство к действию). Любое искажение формулировок, принятых в конкретной области науки и техники сразу бросается в глаза и наводит на мысль о непрофессионализме переводчика. Язык профессионалов – это специфический устоявшийся язык, подразумевающий использование постоянных (устойчивых) слов, не только в терминологии, но и в общетехнической лексике: «журавль» – рычаг, «собачка» – стопор, «кошка» – захват. Переводчик должен знать эти названия, в противном случае он не сможет понять текст в полной мере.

Термин (включая научно-технические термины и термины организационно-распорядительной документации) – это единица какого-либо конкретного естественного или искусственного языка (слово, словосочетание, аббревиатура, символ, сочетание слова и букв-символов, сочетание слова и цифр-символов), обладающая в результате стихийно сложившейся или особой сознательной коллективной договоренности специальным терминологическим значением, которое может быть выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и которое достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки и техники признаки соответствующего понятия [1]. Термин – это слово, обязательно соотносимое с определенной единицей соответствующей логико-понятийной системы в плане содержания.

В чем же заключаются трудности перевода технических терминов?

Технические термины являются наиболее подвижным слоем лексики. Словарный состав языка постоянно пополняется за счет создания новых слов для выражения понятий, появляющихся в результате научно-технического прогресса. При переводе таких слов

техническому переводчику зачастую приходится самостоятельно создавать эквивалентные технические термины на языке перевода.

Несмотря на то, что термины обладают намного большей семантической определенностью, чем слова обиходной лексики, правильный перевод терминов является довольно сложной проблемой. Один и тот же термин можно применить в различных областях науки и техники, однако его перевод будет зависеть от той области, в которой он используется в данном конкретном тексте, поэтому найти правильный перевод можно лишь обладая определенными знаниями в тематике переводимого текста.

Одной из главных трудностей, возникающих при переводе технического текста, является многозначность терминов. Многозначность (полисемия) – это наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате развития первоначального значения этого слова [2].

Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминосистемы. Если в общем языке слово может быть многозначным, то, попадая в определенную терминологию, оно чаще всего приобретает однозначность. Терминология – это соотнесенная с профессиональной сферой деятельности (областью знания) совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматических уровнях [3].

В некоторых случаях простые и однозначные слова в качестве технических терминов приобретают самые неожиданные значения, например: base – станина станка, tree – вал, table – пластина, станина, worm – шnek, nail – пружинный контакт.

Традиционно считается, что термин безразличен к контексту, так как он связан с определенной терминосистемой, заменяющей контекст. Такая точка зрения справедлива для идеального термина. Чтобы понять значение полисемантических терминов требуется нейтрализующий контекст, в котором реализуется лишь одно из его значений.

Рассмотрим зависимость термина от контекста на материале примеров, взятых из контракта, заключенного между двумя компаниями, специализирующихся в деревообработке – ЗАО «Плайтерра» и «FEZER», и проверим справедливость утверждения о том, что термин многозначен в системе и однозначен в контексте: The frame is totally assembled in our factory on precision rails, to allow for perfect adjustment of components and thus offer a guaranteed easy assembly at the customer's facility.

Обратим внимание на существительное «assembly», которое, согласно Oxford Advanced Learner's Dictionary имеет четыре значения:

- a group of people who have been elected to meet together regularly and make decisions or laws for a particular region or country;
- the meeting together of a group of people for a particular purpose; a group of people who meet together for a particular purpose;
- a meeting of the teachers and students in a school, usually at the start of the day, to give information, discuss school events or say prayers together;
- the process of putting together the parts of something such as a vehicle or piece of furniture.

Принимая во внимание контекст отрывка, нетрудно догадаться, что четвертое значение подходит больше всего – предшествующее существительное «frame» (рама – элемент роликовой сушилки для шпона) позволяет понять, что речь идет о сборке механизма, но не о собрании людей. Таким образом, учитывая терминологию технической тематики, мы переведем его на русский язык словом «сборка».

Следующим примером многозначности термина является слово «facility». Объяснение этого термина может быть следующим:

- a special feature of a machine, service, etc. that makes it possible to do something extra;
- a place, usually including buildings, used for a particular purpose or activity;
- a natural ability to learn or do something easily.

Несмотря на наличие трех возможных вариантов перевода, выявить правильное значение не составит труда – лишь последнее значение сочетается с предшествующим слову существительным «customer» (покупатель), что указывает на отношение данного термина к одушевленному предмету. Термин в данном случае должен быть переведен на русский язык как «удобство».

Следующей лингвистической трудностью, на которой необходимо заострить внимание, является безэквивалентность. К безэквивалентной терминологии относятся две разновидности терминов:

1) термины, обозначающие явления, отсутствующие в практическом опыте носителей языка перевода. Например, подавляющему большинству русских людей неизвестно такое явление английской и американской действительности как «drive-in» (предприятие, где клиентов обслуживают прямо в их автомобиле – банк, кафе, магазин и т.д.);

2) термины, обозначающие явления, возникшие в практике языка перевода относительно недавно и до сих пор не сформировавшие отдельную категорию в соответствующей области знаний.

Таким образом, условия для возникновения безэквивалентности возникают вследствие различий в системе понятий двух языков, вызванных экстралингвистическими факторами.

Более того, при переводе безэквивалентных терминов применяются следующие приемы:

- подбор русского термина или общеупотребительного слова (реже – словосочетания) с близким значением: supercharger – нагнетатель;
- транслитерация, транскрипция: subwoofer – сабвуфер;
- описательный (разъяснительный) перевод: floorer – сильный удар, сшибающий с ног или (в переносном смысле) озадачивающий вопрос, трудная задача.

Следует подчеркнуть, что основная трудность перевода художественной прозы заключается в необходимости интерпретации намерений автора, т.е. в передаче не только когнитивной информации, но и в сохранении психологических и эмоциональных элементов, в то время как задача, стоящая перед техническим переводчиком – точно передать смысл исходного текста, лишенного эмоциональной окраски.

Чтобы правильно определить подходящий способ перевода, переводчику необходимо хорошо ориентироваться в данной области и знать связанную с ней терминологию. Существует несколько наиболее часто используемых способов перевода технических терминов.

Транскрипция – это формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова [4].

Транслитерация – это формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова [4]. К транскрипции и транслитерации обычно прибегают, чтобы заполнить пробел металингвистического характера (новая техника, неизвестные понятия). Например, такие нововведения в автомобильной технике как парктроник (parktronik), FM-трансмиттер (FM transmitter) были переведены с использованием метода транслитерации, антифриз (antifreeze) – с помощью транскрипции.

Калькирование – буквальный перевод элементов синтагмы исходного языка [4].

Выделяют два вида калек слов: словообразовательные и семантические. Словообразовательные кальки – это слова, полученные «поморфемным» переводом иностранного слова на русский язык. Калька обычно не воспринимается как заимствованное слово, так как составлена из исконно русских морфем.

Рассмотрим словообразовательное калькирование на следующем примере: It is also possible to drive the screws by means of a gearbox. В этом предложении калькой является слово «gearbox». Разбив слово на две части «gear» и «box» мы получим перевод – коробка передач.

Калькирование также бывает частичное: в слове «антиблокировочный» (англ. anti-lock) калькирована только вторая часть слова.

Семантические кальки образуются тогда, когда калькируется не только состав слова, но и переносные значения, например, русское слово картина, обозначающее «произведение живописи», «зрелище», под влиянием английского языка стало употребляться также в значении «кинофильм». Это калька английского многозначного слова «picture», имеющего в языке-источнике значения «картина, рисунок», «портрет», «кинофильм, съемочный кадр».

Когда в русском языке отсутствует эквивалентное или вариантное соответствие английскому слову, переводчику часто приходится прибегать к описательному или объяснительному переводу, который заключается в более или менее пространном толковании значения английского слова, т. е. является его развернутым объяснением: nodular iron – чугун с шаровидным графитом, timing control – управление в соответствии с временной синхронизацией.

Таким образом, из всего вышесказанного и проанализированного можно сделать вывод о том, что важнейшей проблемой достижения эквивалентности перевода научно-технических текстов является передача исходного содержания текста с помощью терминосистемы переводящего языка. Различия в терминологии исходного и переводящего языков – причина наибольших трудностей при переводе научно-технических текстов. Задача исследования терминосистем и поиска путей перевода частично эквивалентной и безэквивалентной лексики является основной при переводе технических терминов. Кроме того, переводчику важно осознанно подходить к толкованию терминов, исключая механический перевод с помощью поиска эквивалентов в словаре, проводить обязательный анализ контекста и его компонентов, а также не браться за перевод текстов незнакомой тематики, предварительно не ознакомившись с ее основами и терминологией.

В данной работе мы проанализировали специфику перевода технической терминологии, и пришли к выводу, что при выполнении технического перевода требуется не только знание иностранного языка, но и профессиональное знание соответствующей области науки и техники, а зачастую и консультация более узкого технического специалиста. Технический переводчик должен владеть определенными навыками и знаниями, обладать знанием иностранного языка на высоком уровне, хорошо ориентироваться в специальной области науки или техники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии. – Л., 1986. – 70 с.
2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1976. – 544 с.
3. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
4. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian. – СПб.: Изд-во «Союз», 2001. – 320 с.
5. Плюснина Е. Н., Корепина Н. А. О трудностях перевода терминов технической литературы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-545676.html?page=13>

КИРИЛЛОВА А. Г., ПОЛЕТАЕВА Е. Д.
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению подходов к переводу терминов, разработанных за последние тридцать лет. Рассматриваются особенности сопоставительных методов исследования, методика машинного перевода, а также ментальная модель переводчика.

Ключевые слова: перевод, термин, анализ, семантическое поле, сопоставление, эквивалент, вариант.

KIRILLOVA A. G., POLETAEVA E. D.
STUDIES IN THE TERMS TRANSLATION FIELD

Abstract. The paper considers the approaches to the terms translation developed over the past thirty years. The authors study the specifics of the comparative method of research, machine automatic translation, and the translator's mental model.

Keywords: translation, term, comparison, analysis, semantic field, equivalent, variant.

Современная эпоха глобализации повлекла за собой расширение научных и культурных связей между странами и необходимость в обмене научно-технической информацией о достижениях отечественной и зарубежной науки и техники, что в свою очередь дало импульс появлению новой отрасли в теоретической науке о переводе, а именно теории перевода научной и технической литературы.

Как известно, при переводе научной и технической литературы основным предъявляемым требованием является сохранение смысловой точности переводимого текста. Одну из наиболее сложных задач перевода представляет собой правильный выбор эквивалента термина, поскольку ошибки в переводе терминов затрудняют профессиональное общение и препятствуют осуществлению основной функции языка – коммуникативной.

Начиная со второй половины XX века, в свет выходят переводоведческие труды, в которых рассматривается проблема перевода терминов. Среди них следует отметить исследование, выполненное Р. З. Загидуллиным и посвященное многстороннему анализу роли переводчика. Эта тема также была затронута в работах многих ученых, таких как Ю. Денисенко, И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, Я. И. Рецкер, В. С. Воропаев. По существу, переводчик не является адресатом сообщения (что отражается в одной из максим перевода, содержание которой очень емко выразил В. Голышев: «Переводчик – что-то вроде хамелеона: чем незаметнее, тем лучше»), он призван правильно извлечь знания и в адекватной форме передать их адресату перевода. Но принимая во внимание то, что

языковая личность «на мотивационном уровне сливаются с личностью в самом общем, глобальном социально-психологическом смысле» [1], становится понятно, что существенными факторами являются индивидуальные характеристики, мотивы, цели, установки самого переводчика.

В то же время, по мнению И. И. Халеевой, для того, чтобы понять какую-либо фразу (текст), любая языковая личность должна, используя свой словарный запас, сопоставить со своими фоновыми знаниями и найти подходящее ее содержанию соответствие в картине мира [2, с. 69]. Переводчик, который является двуязычной личностью и посредником, сталкивается с еще более сложной задачей. Потребность в верной передаче содержания текста требует от переводчика обращения не только к ассоциативно-вербальной сети автора оригинала, явно выраженной в тексте, но и к попытке воссоздать его ментальную модель и тезаурус. Кроме того, переводчик соотносит собственную ментальную модель с картиной мира, т. е. с описанным в тексте оригинала фрагментом действительности.

По Р. З. Загидуллину, для того, чтобы выразить в словесной форме извлеченные знания, т.е. «перевести» полученную им ментальную модель в текст (как одну из форм фиксации знания), переводчик на pragматическом уровне своей языковой личности пытается установить особенности тезауруса и ассоциативно-вербальной сети языковой личности своего реального или потенциального адресата. Лишь после этого на основе имеющегося у переводчика тезауруса и на основе учета возможностей и потребностей пользователя перевода порождается текст перевода. Р. З. Загидуллин в результате исследования приходит к заключению, что хотя читатель текста перевода и выполняет те же ментальные операции в той же последовательности, как и одноязычный с автором произведения адресат, но фактически в общей схеме межъязыковой коммуникации появляется еще одна, третья ментальная модель того или иного фрагмента действительности [3]. В принципе переводчик должен учитывать этот фактор и стремиться к тому, чтобы ментальные модели автора оригинала и читателя перевода были как можно ближе.

По-видимому, ментальная модель переводчика и является «третьей системой», которая, согласно предположениям некоторых переводов (например, В. Н. Комиссарова), является существенной для выполнения перевода. Это та модель, с которой переводчик «сравнивает знания, извлеченные им из текста оригинала, и знания, передаваемые им в тексте перевода» [3].

С противоположным подходом можно ознакомиться в трудах Э. Ф. Скороходько, который разрабатывает методику машинного перевода научно-технической литературы. Основой предлагаемой Скороходько методики перевода научно-технических терминов является четкое разграничение двух этапов перевода – анализа и синтеза. Оба эти этапа

предполагают выполнение ряда операций, которые могут быть как самыми простыми, так и весьма сложными. В простейшем случае анализ термина, который необходимо перевести, заключается в определении его значения по словарю. В более сложных случаях требуется выполнение ряда операций по анализу термина, контекста и специально-технических понятий. Точно также синтез в простейшем случае представляет собой выбор готового термина из словаря. В более сложных случаях синтез заключается в построении нового термина, выражающего то же понятие, что и переводимый термин.

В результате проведенного исследования Э. Ф. Скороходько приходит к выводу о том, что любой английский термин можно перевести на русский язык, независимо от того, указано ли его значение в имеющихся словарях и существует ли в русском языке его готовый эквивалент. Процедура анализа является достаточно общим способом, который позволяет определять значения как терминов, для которых словари вообще не дают значений, так и таких терминов, для которых существуют несколько значений. Описанные способы построения эквивалентов позволяют в любом случае выразить найденное значение переводимого термина [4].

Несмотря на многочисленные исследования в области перевода терминов гуманитарных наук, вопрос сопоставления целых терминологических систем двух языков и изучения параллелей и расхождений между ними с позиций теории перевода остается наименее разработанным. Вместо сопоставительного изучения всей сложности структур терминологических систем лингвисты довольствовались констатацией тех или иных расхождений между единичными терминами двух (или более) языков. Однако такие единичные различия могут иметь более глубокие корни и служить лишь своего рода «внешним сигналом» более сложных внутренних, структурных расхождений в пределах целых терминологических систем двух языков.

За последние тридцать лет все большее значение сопоставительному анализу переводов придается в исследованиях, не имеющих непосредственного отношения к переводческой проблематике. В монографии Г. В. Колшанского, посвященной изучению контекстной семантики, в разделе, рассматривающем роль контекста в переводе, большое внимание уделяется проблемам перевода. Колшанский определяет перевод с точки зрения интерпретации контекста как «способ сопоставления семантических систем языков или как способ построения контекстной системы координат адекватных смысловых соответствий разных языков» [5, с. 112].

Наибольшие трудности, однако, связаны с системным сопоставлением в лексике. При сопоставлении в пределах лексических подсистем языков мы обнаруживаем, что при наложении слов друг на друга они могут совпадать в одном или нескольких значениях, но не

в полном объеме своих значений, вследствие специфики полисемии в языках. Вслед за несовпадением семантических полей двух слов имеют место и другие расхождения: в семантической сочетаемости каждого из слов, в их синонимических и антонимических связях и т.п.

Сопоставительная семасиология является темой большого ряда работ. Сопоставительному анализу подвергаются не только отдельные пары лексических единиц, но и системы значений тематических рядов и даже целые лексико-семантические системы. В литературе также получило широкое освящение сопоставительное изучение синонимических рядов разных языков. В качестве объекта сопоставительного анализа ученые начали рассматривать и фразеологию.

При сопоставительном исследовании двух языков на основе анализа переводов наиболее важными объектами изучения являются единица перевода и переводной эквивалент.

При выполнении перевода всегда приходится иметь дело с выбором языковых средств на другом языке, а «в основе любого выбора лежит сопоставление». Понятие «выбора» кладется в основу определения самого понятия «перевод», в соответствии с которым «...перевод ... как особая речевая деятельность, заключающаяся в межъязыковом преобразовании исходного текста в текст перевода, при которой план содержания остается в общих чертах (некоторые компоненты информации исходного текста неизбежно претерпевают изменения), что означает выбор адекватных средств на языке перевода для достижения того же коммуникативного эффекта, который текст оригинала оказывает на своего получателя» [6].

Сопоставительный анализ англо-русских научных переводов, направленный на выявление и описание лексических единиц, регулярно выбираемых в языке перевода в качестве соответствий единицам оригинала, позволит установить систему семантических соответствий двух языков, исследование которой может быть положено в основу лингвистической теории перевода терминов гуманитарных наук.

Ценность сопоставительного анализа состоит в том, что помимо выявления общих черт сравниваемых объектов, он также способствует освещению наиболее характерных специфических особенностей каждого из них, которые нередко ускользают (остаются в тени) при внутриязыковом исследовании.

Кроме непосредственных результатов, полученных от сопоставления, такой анализ, как правило, дает основание для выводов, затрагивающих более широкий материал, и поэтому носящих более широкий характер.

Фокусирование исследований на системном сравнении языков не только представляет собой важную область лингвистики, но и имеет большую практическую значимость. Прежде всего, сопоставление является эффективным лингвистическим приемом при обучении иностранным языкам. В одной из своих работ, касающейся сопоставительного изучения языков, А. В. Исаченко посвятил сопоставительному методу целый параграф, в котором исследователь оценивает роль сопоставления как методического приема в обучении языкам: «Последовательное сопоставление двух языков позволяет вскрыть структуру обоих языков с большой наглядностью. При подходе к изучаемому языку, с точки зрения другой языковой системы, могут быть замечены и такие особенности данного языка, которые традиционной грамматикой данного языка оставлены без внимания» [7, с. 63].

В заключение следует отметить, что сопоставительный метод исследования непосредственным образом связан с аспектом языковой деятельности, имеющим не только теоретическое, но и сугубо практическое значение в области прикладной лингвистики. Однако в теории и практике перевода сопоставительный анализ имеет свои отличительные черты, обусловленные спецификой процесса перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.
3. Загидуллин Р. З. Языковая личность переводчика // Иностранные языки в высшей школе. – Алматы, 2004. – № 1. – С. 23-28.
4. Скороходько Э. Ф. Вопросы теории английского словообразования и ее применение к машинному переводу. – Киев: Изд-во КГУ, 1969. – 116 с.
5. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. – М., 1980. – 154 с.
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 127 с.
7. Исаченко А. В. Сопоставительное изучение языков как особая лингвистическая дисциплина // Вопросы преподавания русского языка в странах народной демократии. – М., 1961. – 275 с.

КОМАРОВА Ю. Ю.
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕТАФОР
В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСЕН

Аннотация. Статья посвящена исследованию и выявлению лексико-грамматических и частеречных характеристик метафор. Исследование проведено на материале текстов англоязычных песен.

Ключевые слова: метафора, лексико-грамматические характеристики, частеречные характеристики, фокус метафоры, фрейм.

KOMAROVA YU. YU.
LEXICO-GRAMMATICAL FEATURES OF METAPHORS
IN THE LYRICS OF ENGLISH SONGS

Abstract. The paper considers the lexico-grammatical and part-of-speech features of metaphors. The study is based on the lyrics of English songs.

Keywords: metaphor, lexico-grammatical features, part-of-speech features, metaphor focus, frame.

Традиционное определение метафоры связано с этимологическим объяснением самого термина: «метафора (гр. *metaphorá* – перенос) – это употребление слова или выражения в переносном значении, основанное на сходстве, сравнении, аналогии, а также слово или выражение таким образом употребленное» [5].

В основу метафоризации может быть положено сходство самых различных признаков предметов: цвета, формы, объема, назначения, положения в пространстве и времени и т.д. Еще Аристотель заметил, что слагать хорошие метафоры – значит подмечать сходство. Наблюдательный глаз художника находит общие черты почти во всем. Неожиданность таких сопоставлений придает метафоре особую выразительность [1].

В очерке А. Н. Баранова к словарю русской политической метафоры, метафора определяется с точки зрения когнитивной теории как «сложный когнитивный феномен, возникающий в результате взаимодействия двух смысловых комплексов – содержания/фокуса/источника и оболочки/фрейма/цели» [3, с. 132]. Это определение опирается на терминологию М. Блэка, который «фокусом» (focus) называет слово в

выражении, используемое в переносном смысле, т.е. метафорически, а «рамой» (frame) слово или слова, окружающие «фокус», употребляемые в обычном смысле [4, с. 86].

Существует большое количество классификаций метафор. Однако основные параметры их классификации определяются своеобразием плана содержания и плана выражения, зависимостью от контекста и функциональной спецификой метафорического знака, а также уровневого соотношения метафор по ярусам языка. Анализ метафор может производиться не только по какому-либо одному, но и по комбинациям различного рода параметров. Однако большинство параметров классификаций метафор можно свести к двум большим группам: семантические (план содержания) и структурные (план выражения) [2, с. 203; 6, с. 291]. В данной статье на основе плана выражения представлены лексико-грамматические характеристики метафор.

Нами был проведен анализ текстов 70 песен на английском языке. В результате было обнаружено более 100 различных метафор. Песни являются одним из жанров художественного стиля речи и имеют следующие характеристики:

- образность и эстетическая значимость каждого элемента;
- экспрессивность, метафоричность;
- эмоциональная окраска высказываний;
- особые формы связи между частями высказывания;
- большое количество выразительных средств языка на разных его уровнях.

Нами было обнаружено, что самой употребляемой частью речи для построения метафор является имя существительное, которое может вступать в синтаксические отношения как с глаголом, причастием, так и с самим именем существительным или предлогом. В этой связи рассмотрим следующий пример:

Maybe someday I'll be just like you

And step on people like you do

В состав данной метафоры входит глагол (*step*) и имя существительное (*people*), выступающее в роли дополнения.

Следующий пример иллюстрирует употребление существительного с наречием:

We'll take our hearts outside,

Leave our lives behind

Данные метафоры состоят из трех частей: глагола (*take, leave*), существительного (*hearts, lives*) и наречия (*outside, behind*).

В следующем примере имя существительное вступает в синтаксические отношения с причастием. Мы можем видеть употребление причастия (*lost*) и имени существительного (*time*).

Lady, lost in time

Lady, let me try

Never lose the faith

Опираясь на лексико-грамматические характеристики метафор, нами были выведены структуры метафор согласно части речи фокуса метафоры.

Глагол в качестве фокуса метафоры образует следующие структуры.

- Глагол + имя существительное:

I know you hear me

I can taste it in your tears

Holding my last breath

Safe inside myself...

В данном примере метафора образована глаголом (*to taste*) и именем существительным (*tears*). Предметно-логическое значение глагола *to taste* – «пробовать», а контекстуальное – «ощущать, видеть».

- Глагол + именное словосочетание. В этой группе выделяем следующие структуры: глагол + of-конструкция:

So go on and break your wings.

Follow your heart till it bleeds.

As we run towards the end of the dream.

В данном случае в состав метафоры входит глагол (*to run*) и именное словосочетание (*the end of the dream*), где зависимое слово (*the dream*) связано с главным при помощи предлога *of*. Глагол *to run* сочетает в себе предметно-логическое значение – «бежать», и контекстуальное – «приближаться».

- Глагол + имя прилагательное + имя существительное:

Build a new base

Steal a new face

It doesn't matter it's all just to save you...

В данной метафоре выделяем следующую конструкцию: глагол (*to steal*) и именное словосочетание (*a new face*), выраженное именем прилагательным (*new*), выполняющим роль зависимого слова, связанного с именем существительным (*a face*), выполняющим роль

главного слова. В данном примере предметно-логическое значение глагола *to steal* – «красть», сочетается с контекстуальным значением – «стать (стать другим), примерить».

Имя существительное в качестве фокуса метафоры также образует ряд структур:

- имя существительное + имя существительное;

Take a breath and I try to draw from my spirit's well.

Yet again you refuse to drink like a stubborn child.

Анализируемая метафора состоит из двух имен существительных: *spirit's + well*, где существительное *spirit's* стоит в форме притяжательного падежа.

В рамках данной структуры следует выделить of-конструкцию. Обратим внимание на тот факт, что эта конструкция может употребляться как в составе более сложной метафоры, так и самостоятельно формировать метафору. Данная грамматическая структура обладает большим потенциалом преобразовательных возможностей, чем любая другая, ибо позволяет реализовать самые разнообразные типы семантических трансформаций: переписывания, сравнения, замещения, отождествления, переименования по смежности и др.

Thumbing through the pages of my fantasies

Pushing all the mercy down, down, down...

- имя существительное + *to be* + имя существительное;

В отдельную группу хотелось бы выделить метафоры, состоящие из имен существительных, связь между которыми осуществляется посредством глагола-связки *to be*. Так, в метафоре *this girl is a rainbow* основными компонентами являются имена существительные *the girl* и *a rainbow*, связанные глаголом-связкой *is*. В примере *this guy is a riddle to me* мы так же можем выделить такие компоненты как имя существительное (*guy*) + *to be (is)* + имя существительное (*a riddle*).

Как отдельный вид метафоры нами была выделена и проанализирована развернутая метафора:

Where has my heart gone

Trapped in the eyes of a stranger

В приведенном примере выделяем фокус – *heart*. Употребив метафору *where has my heart gone*, автор «нанизывает» на нее причастный оборот – *trapped in the eyes of a stranger*, который служит продолжением данной метафоры.

Таким образом, опираясь на проанализированный материал, мы можем сделать вывод о том, что самыми многочисленными являются структуры, в которых фокусом выступает

глагол; вторыми по частотности употребления являются конструкции с именем существительным; метафоры в состав которых входит причастие, занимают третью позицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Поэтика. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <Http://Philosophy.Ru/Library/Aristotle/Poet.Html>
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5-32.
3. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора (Материалы к словарю). – М., 1991. – 132 с.
4. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 153-172.
5. Метафора // Энциклопедия Кругосвет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/METAFORA.html
6. Трофимова Ю. М. Лингвистика поэтического текста: языковая практика как «склад речей» и поэтическое текстопостроение // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – 2013. – Т. 8, № 1. – С. 290–299.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://en.lyrsense.com/>
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://text-you.ru/>

ОВЧИННИКОВА О. А.

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ

Аннотация. Данная статья посвящена лингвистической проблеме, связанной с особенностями реализации стратегий перевода при передаче лингвокультурных составляющих пространства художественного фильма.

Ключевые слова: стратегия перевода, pragматический потенциал, художественный фильм, коммуникативно-функциональный подход.

OVCHINNIKOVA O. A.

REALIZATION OF FEATURE FILM TRANSLATION STRATEGIES

Abstract. The article deals with some linguistic issues of translation strategies realization while reproducing linguistic and cultural components of a feature film space.

Keywords: translation strategy, pragmatic potential, feature film, communicative-functional approach.

В последнее время теоретики и практики перевода все чаще обращают внимание на необходимость сохранения pragматического потенциала оригинала. Однако ни искусственное вычленение единицы перевода на разных уровнях языка, ни частотные pragматические и pragматически обусловленные трансформации не в состоянии в полной мере решить проблему сохранения pragматики исходного текста. Вот почему обращение к стратегии перевода является не только оправданным, но и актуальным.

Западные и отечественные школы переводоведения предлагают разнообразные толкования такого феномена как стратегия перевода. Изучение и классификация материала позволяет нам прийти к следующим выводам. Во-первых, всякая стратегия должна рассматриваться как некая модель, и, следовательно, она состоит из конкретных компонентов. Во-вторых, будучи ограниченной своими же собственными рамками, стратегия не может включать в себя бесконечное количество составляющих. В-третьих, если признать предыдущие выводы верными, значит, компоненты, формирующие стратегию, в какой-то степени универсальны и поэтому совпадают у разных ученых-переводоведов. Такими общими компонентами являются ориентирование в ситуации, определение цели деятельности, прогнозирование и планирование.

Стремление переводчика максимально сохранить стилистические, семантические и pragматические характеристики текста оригинала и при этом заставить поверить реципиента в то, что перед ним текст на его родном языке – это и есть основа всех переводческих стратегий. Оставив в стороне споры о возможности или невозможности осуществления

данного стремления, отметим, что для достижения поставленной цели необходимо учитывать такие факторы как особенности аудитории, лингвистические и экстралингвистические знания о предмете перевода, фонетические особенности автора текста и адресата-переводчика. Подробный анализ последних, вероятно, приблизит переводчика-практика к разрешению проблемы стратегии перевода.

Обязательным условием успешного осуществления акта коммуникации является ориентирование в ситуации общения. А. А. Леонтьев выделяет три основных его составляющих. Во-первых, это ориентирование в пространстве общения в широком смысле, то есть в любых обстоятельствах, поддающихся чувственному восприятию субъекта. Вторым аспектом является ориентирование во временных условиях общения; имеется в виду прежде всего наличие либо отсутствие дефицита времени. Третий компонент – это ориентирование в конкретной социальной ситуации, включающей взаимоотношения между коммуникантами [3]. Как субъект переводческой деятельности и участник речевого общения, переводчик должен принимать во внимание личность инициатора перевода и его роль в данной коммуникативной ситуации, цель перевода, характер взаимоотношений между участниками общения, а также их расположение относительно друг друга и средства связи между ними.

Уже на этом этапе происходит формулирование переводчиком собственно целей перевода, которое воспринимается как руководство к дальнейшим действиям и определяет последующий процесс перевода.

На основе ориентирования в ситуации общения и в результате постановки целей перевода происходит прогнозирование дальнейшего развития ситуации общения и ее возможных изменений. Кроме того, для успешного осуществления перевода необходимо осознавать, какая реакция может последовать со стороны участников акта коммуникации на оказываемое на них речевое воздействие.

Заключительным этапом в процессе выработки переводческой стратегии является планирование переводческой деятельности, осуществляющееся на основе предыдущих компонентов. Сюда можно отнести как выбор вида перевода и используемых переводческих трансформаций, так и решение переводчика придерживаться того или иного стиля поведения в целом.

Таким образом, переводческую стратегию можно определить как программу осуществления деятельности переводчика, вырабатывающуюся как результат его анализа сложившейся ситуации речевого общения и формирования целей перевода и определяющую линию поведения переводчика на протяжении данного коммуникативного акта [5].

Наша цель – показать, как реализуются стратегии перевода при передаче языковых и внеязыковых особенностей текста художественного фильма. В связи с этим представляется необходимым пояснить, как трактуется художественный фильм в гуманитарном поле знания.

В наиболее употребительном значении художественный фильм – это то же самое, что и фильм игровой, то есть создаваемый на основе сценарного сюжета (как правило, вымышленного), трактуемого режиссёром и воплощаемого средствами актёрской игры, операторского искусства и других составляющих. В более широком смысле художественный фильм трактуется как произведение киноискусства вообще, то есть фильм, обладающий художественной ценностью и выступающий в художественной функции: он может быть создан не только в формах игрового кино, но также документального, мультипликационного и научно популярного.

В связи с тем, что в переводе фильмов наблюдается тенденция к прагматической адаптации, диктуемая, например, цензурой, в последнее время всю большую популярность приобретают так называемые «любительские переводы», которые обеспечивают реципиента наиболее полной информацией и дают объективную картину текста оригинала. В отличие от профессионального, такие переводы как правило осуществляются без разрешения правообладателя одним человеком или группой единомышленников, которые занимаются как собственно переводом текста, так и его последующим озвучиванием. Среди таких авторов можно отметить Алексея Михалёва, Леонида Володарского, Петра Иващенко, Дмитрия Пучкова, независимые творческие релиз-группы «Кураж Бамбей», «Лостфильм» и многих других. Появившись в советское время как единственный способ знакомства русского зрителя с подпольной видеопродукцией, любительский перевод стал позже отдельным направлением переводческой деятельности и даже приобрёл своих почитателей.

Качество перевода при таком озвучивании может быть достаточно высоким, поскольку оно зачастую происходит в профессиональной студии при участии квалифицированных переводчиков и авторов. Однако, несмотря на то, что многие из таких переводов весьма популярны и образуют вокруг себя большие сообщества поклонников, по телевидению они не транслируются.

В пользу любительского перевода высказывается Андрей Кравец, основатель релиз-группы «Лостфильм»: «У нас работают переводчики, которые любят кино и хотят, чтобы фильмы дошли до зрителя с максимальным качеством, тогда как на телевидении часто заняты специалисты, для которых перевод фильмов — подработка, а не основное направление деятельности. Они переводят книги и там выкладываются полностью, а сериалы и фильмы – это так, халтурка» [4].

При оценке качества перевода прежде всего следует учитывать то, насколько успешно переводчику удалось оправдать ожидания реципиентов в коммуникативной ситуации, иными словами, было ли произведено на получателей именно то воздействие, которое хотел оказать на них автор оригинала. В свете всего вышесказанного любительские переводы представляются достойной альтернативой профессиональным, поскольку отвечают требованиям, предъявляемым к переводу с точки зрения коммуникативно-функционального подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кино: Энциклопедический словарь / Гл. ред. С. И. Юткевич. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 640 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 127 с.
3. Леонтьев А. В. Психология общения. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 1997. – 168 с.
4. Миронова Д. Серийные убийцы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://versia.ru/articles/2010/jun/30/populyarnye_serialy_v_internete
5. Сдобников В. В. Стратегия перевода: общее определение // Вестник ИГЛУ. – 2011. – № 1. – С. 165-172.